

ТРОПИНКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

№ 5.
МАЙ
1912 г.

ГОДЪ ИЗДАНІЯ VII

Изданія журнала „ТРОПИНКА“.

Белобратова М. С. „Исторія одного ворабья“. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученическихъ библиотекъ младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для
учен. библ. низшихъ учебн. заведеній и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Бьялевская О. А. „Капелъ“. Стихотворенія. 40 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. заведеній и для учен. библ. низшихъ
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Егоровъ Л. И. „Исторія воздухоплаванія“. Съ рис. Цѣна 25 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ учебн. завед.

Кондуровичъ М. С. „Въ деревнѣ“. Разказы и сказки. Съ рисунками. Цѣна 25 к.

Карроль Льюисъ „Приключенія Алисы въ странѣ чудесъ“. Переводъ съ англійск.
Аллего. Съ рисунками. Цѣна 1 р.

Лондонъ Дэвизъ. „Бунъ“. Исторія одной собаки. Переводъ съ англ. Н. Манасеиной.
Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 40 к., въ перепл. 75 к.

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ училищъ.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.* Допущено въ ротныя библио-
теки кадетскихъ корпусовъ для III—V классовъ.

Малахѣва-Мировичъ В. Г. „Золотой домъ“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна въ
обложкѣ 75 к., въ переплетѣ 1 р.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Манасеина Н. И. „Разказы для дѣтей“. Со многими рисунк. Ц. въ перепл. 1 р. 50 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

*Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, за-
служивающихъ вниманія при пополненіи ученнч. библ. средн. учебн. завед.*

Манасеина Н. И. „На Рождествѣ“. Три разказа. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ
50 к., въ переплетѣ 80 к.

ОДОВРЕНО для ученич. библ. млад. возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низ. учебн.
завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

*Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низ. училищъ и признано
заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народн. читал. и библ.*

Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Манасеина Н. И. „Мамино дѣтство“. Разказъ изъ институтской жизни. Съ рисунок.
Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

*Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, за-
служивающихъ вниманія при пополненіи ученнч. библ. средн. учебн. заведеній и допущено въ ученнч. библ.
городскихъ училищъ.*

Манасеина Н. И. „Овсянникъ“. Пять разказовъ. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ
50 к., въ переплетѣ 80 к.

*Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ училищъ и при-
знано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученнч. библ. средн.
учебн. заведеній.*

ОДОВРЕНО для ученич. библ. младш. класс. ср. уч. зав. *Видомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Полывановъ В. П. „Воронъ—Индѣйцы“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 к.
ОДОВРЕНО для ученич. библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученич. библ. низш.
учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Видомства Императрицы Маріи.*

Учен. Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ ученнч. библ. низшихъ учебн. завед.

1912 годъ.

Май № 5.

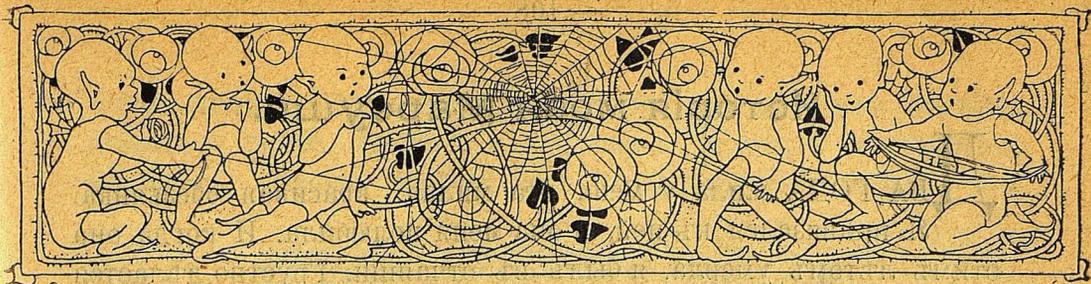
ЖУРНАЛЪ ТРОПИНКА.

Этотъ № опоздалъ и разсылка журна-
нала задержана по случаю забастовки
въ типографіи и въ экспедиціи. Редак-
ція сдѣлаетъ все, отъ нея зависящее,
чтобы слѣдующіе №№ выходили
вполнѣ аккуратно.

Содержаніе.

1. Эльфы—стихотвореніе *М. Пожаровой*.
2. Исторія моей Марюши—разсказъ *И. Гинцбурга*.
3. Дѣтство Александра I—*П. Мамаева*.
4. На вершину Арарата—*А. Лоидисъ*. (Продолженіе).
5. Памяти *А. С. Пушкина*.
6. Знакомство съ царствомъ растений—*С. Лебедева*.
(Продолженіе).
7. За счастьемъ—съ итальянскаго *Е. Владиміровой*.
(Продолженіе).
8. Детрономическія карты—*А. Лоидисъ*.
9. Трость и Зонтикъ—*П. Соловьевой*.
10. Историческій календарь.
11. Обо всемъ понемногу.
12. Ребусъ и загадки нашихъ читателей.
13. Шарады и загадки.
14. Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ №.

Эльфы.

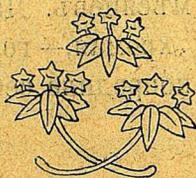
ЛУННОЙ ночью, на полянѣ,
Тамъ, гдѣ ландыши звенять,
Въ голубѣющемъ туманѣ
Эльфы легкіе скользятъ.

Крылья—радуги чудеснѣй,
Въ смѣхѣ—шелесты весны...
Отвѣчаютъ нѣжной пѣсней
Вздохамъ вѣтра и волны.

Какъ роса, блестятъ ихъ взоры
Переливомъ огоньковъ.
Ихъ сквозистые уборы
Сплетены изъ лепестковъ.

Шепчутъ радостныя сказки
Надъ мерцающей травой
И несутся въ рѣзвой пляскѣ,
Осребренные луной.

М. Пожарова.

Исторія моея Маруши.

ДВА ГОДА жила у меня эта милая, красивая обезьянка. Я привязался къ ней, и она меня полюбила. И когда она этимъ лѣтомъ умерла, я былъ въ отчаяннiи. Грустно дѣлается мнѣ и теперь, когда вспоминаю ее. Расскажу вамъ ея исторiю. Вотъ, какъ я ее досталъ.

Разъ зашелъ я къ моему сосѣду, служителю академiи. На полу, въ темнотѣ, у самой плиты что-то копошилось.

— Что это такое?—спросилъ я, очень удивленный, замѣтивъ два большихъ черныхъ глаза какого-то существа, жалостливо глядѣвшихъ на меня.

— Обезьянка, — отвѣчалъ мой сосѣдъ,—купите!

Мнѣ жалко стало бѣднаго звѣрка: комната крошечная, темненькая, живутъ въ ней четверо. Не только обезьянкѣ, но и жильцамъ мѣста нѣтъ.

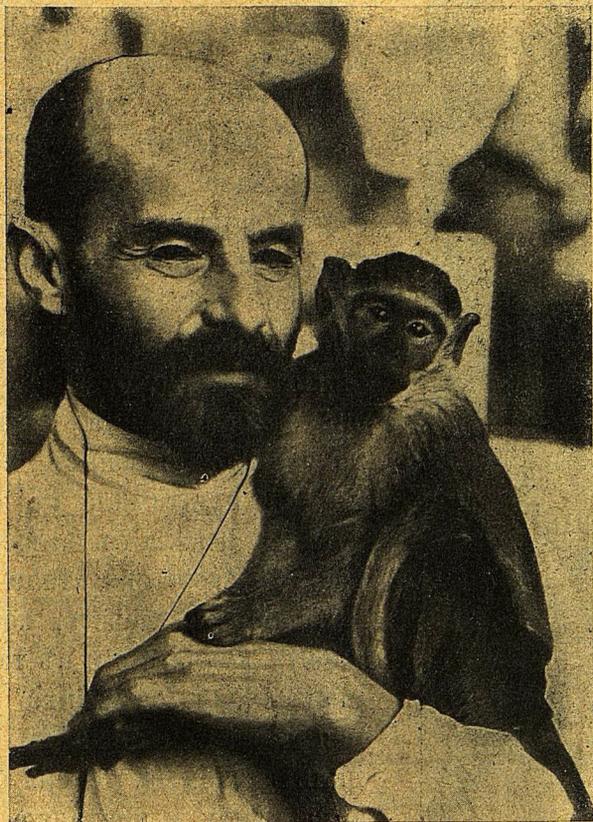
— А сколько хотите? — спрашиваю я,—и гдѣ вы ее достали?

— Мнѣ привезъ ее мой братъ, матросъ, изъ Испанiи. Она молоденькая, ей шесть мѣсяцевъ. Дайте мнѣ за нее 15 р.

— Да она больная, хромая,—говорю я, беря ее на руки.

— Да, она упала, повредила себѣ ножку. У васъ она поправится.

Я купилъ обезьянку. Первые дни она не могла ходить, лежала у печки, грѣлась и все спала. Я поилъ ее теплымъ молокомъ. Черезъ недѣлю она настолько поправилась, что

стала веселѣе, попрыгивать начала. Я привязалъ ее къ лѣстницѣ. Она поднималась на верхнія ступеньки и часами смотрѣла въ окно. Чтобы ей было веселѣе, я помѣстилъ ее у самага окна, привязалъ къ ножкѣ станка, на которомъ стоялъ большой бюстъ. Днем она забиралась на верхъ бюста и смо-

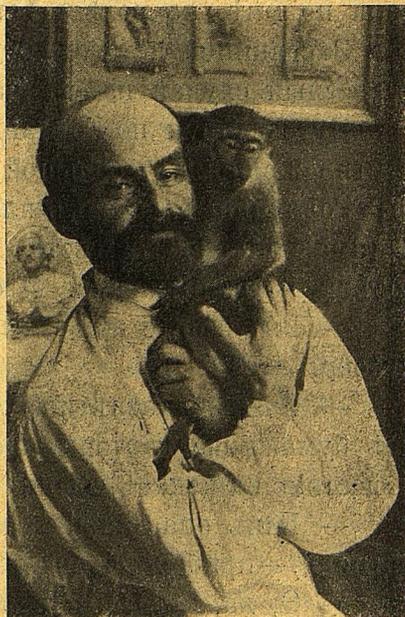
трѣла въ окно, а ночью спала въ самомъ бюстѣ, который внутри былъ пустой. Скоро я заказалъ для нея огромную клѣтку, устроилъ тамъ качалку, полки и ящикъ для спанья. Часами любовался я тѣмъ, какъ она ловко качается. Стоило только мнѣ подойти къ ней, какъ она нарочно, чтобы доставить мнѣ удовольствіе, показывала свое искусство. Она стала привыкать ко мнѣ. Я часто бралъ ее изъ клѣтки и гулялъ съ нею по мастерской. Съ любопытствомъ она осматривала все. Я купилъ ей куклу-обезьянку. Вначалѣ она съ ней играла, какъ съ ребенкомъ. Нѣжно обнявъ ее, прыгала съ ней, прижимала къ себѣ и заботливо искала въ ея шерсти блохъ. Однако, скоро она стала рвать ее и вытаскивать шерсть, которой была набита кукла. Но и въ такомъ видѣ игрушечная обезьянка была для нея дорога и, когда ко мнѣ приходили знакомые, то она быстро хватала куклу и пряталась въ ящикъ: боялась, что отнимутъ. Ночью она спала, обнявъ куклу.

Обѣдали мы съ Марушей вмѣстѣ и ѣли одно и то же. Я вегетеріанецъ, то-есть не ѣмъ ничего мясного. Вмѣстѣ мы ѣли кашу, зелень. Въ особенности она любила компотъ. А самымъ лакомымъ для нея

были косточки отъ сливъ. Ловко, своими острыми зубками разгрызала она косточку и выплевывала скорлупу.

По воскресеньямъ ко мнѣ приходили дѣти, они играли съ Марѳушечкой. Она разстегивала пальто у маленькаго Ваньки, сына служителя, котораго больше всѣхъ любила. Искусно разстегивала ему рубашку своими маленькими ловкими пальчиками и искала у него на тѣлѣ блохъ. Дѣти страшно ее полюбили. Я ихъ впускалъ въ ея клѣтку, и они тамъ подолгу съ ней играли. Иногда Марѳушечка выбѣгала изъ клѣтки, ловко отбросивъ крючокъ съ дверцы, живо взбиралась на полки, гдѣ стоятъ мои работы, перескакивала быстро съ одного мѣста на другое и иногда сбрасывала мои работы, которыя ломались. Много такихъ работъ моихъ она переломала, но я на нее

не сердился. Съ трудомъ, бывало, заманиваю ее въ клѣтку. Для этого я выходилъ въ коридоръ и просилъ, чтобы какой-нибудь служитель вошелъ ко мнѣ. Марѳуша, увидѣвъ чужое лицо, и, опасаясь за свою куклу, сама выбѣгала въ клѣтку и прятала куклу. Не любила Марѳуша, когда я долго и много разговаривалъ съ посторонними. Это ее сердило. И, если она бывала на свободѣ, то даже бросалась на постороннихъ и рвала имъ платье. Вечеромъ она рано засыпала. Я уходилъ и оставлялъ ее одну. А рано утромъ, когда я открывалъ дверь, она радостно кричала, призывая меня къ себѣ, какъ

ребеночекъ обхватывала мою шею лапками и цѣловала. Когда я лѣтомъ уѣхалъ за границу, то оставилъ ее у моего хорошаго знакомаго. Тяжело мнѣ было разставаться съ ней. Первые двѣ недѣли, какъ мнѣ писали, Мареушечка скучала по мнѣ, не хотѣла ѣсть и никого не допускала къ себѣ.

Заграницей я тоже скучалъ по ней. А разъ у меня былъ курьезный случай изъ-за Мареушки.

Путешествуя по Голландіи, я, въ вагонѣ третьяго класса, очутился рядомъ съ большой красивой собакой, породы сеттеръ, (въ Голландіи за собакъ платяты, какъ за пассажировъ, и онѣ занимаютъ такое же мѣсто). „Поль“, называла ее хозяйка, моя сосѣдка — французенка. Я сталъ ласкать красивую собаку.

— Вы любите животныхъ? — спросила сосѣдка по-французски.

— Очень, — отвѣтилъ я, и, чтобы это доказать, вынулъ изъ бумажника карточку Мареушеньки, которую всегда въ путешествіи возилъ съ собой.

— Какъ она мила! — сказала сосѣдка, — но вы, вѣроятно, артистъ? — прибавила она.

— О, да, — сказалъ я, изумленный. „Почему она знаетъ?“ подумалъ я.

— Въ такомъ случаѣ, — продолжала дама, придвинувшись ко мнѣ, и говоря шопотомъ, — мнѣ надо съ вами серьезно поговорить. У меня къ вамъ есть дѣло, очень важное. Я — завѣдующая буфетомъ парижскаго цирка и очень близко знакома съ директоромъ. Я могу устроить такъ, что вы будете у насъ работать.

— Какъ? — спрашиваю я,

— Да такъ. Много денегъ заработаете.

Предположивъ, что она хочетъ меня рекомендовать, какъ скульптора для того, чтобы лѣпить звѣрей, я ей сказалъ:

— Да, я вылѣпилъ мою Марѳушу, но неудачно. Трудно лѣпить звѣрей.

— О нѣтъ,—возразила она,—это прекрасное дѣло. Нашъ хозяинъ Шульманъ изъ Франкфурта на одной своей обезьянѣ зарабатываетъ 75.000 въ годъ.

Тутъ я понялъ, что моя собесѣдница принимаетъ меня за артиста по части показыванія фокусовъ съ обезьянами. Мнѣ стало совѣстно не столько за себя, сколько за милую Марѳушку.

— Простите, сударыня,—сказалъ я, конфузясь,—я артистъ, но не такой. Я дѣлаю модели изъ глины.

— Такъ вы не настоящій!—возразила сосѣдка и отодвинулась отъ меня.

Велика была радость, когда я вернулся изъ-заграницы. Я Марѳушечку взялъ къ себѣ и на этотъ разъ увеличилъ клѣтку, пристроивъ второй этажъ. Она пополнѣла, похорошѣла. Въ свѣтлые солнечные дни она сидѣла на верхней полочкѣ и подолгу смотрѣла въ Соловьевскій садъ, куда выходитъ окно моей мастерской. Все, что дѣлается на улицѣ, ее интересовало. Въ особенности она любила музыку. Бывало, я занятъ, работаю, а Марѳуша зоветъ меня (я хорошо изучилъ значеніе каждаго оттѣнка ея голоса). И когда я подходилъ къ ней, то она, приблизившись ко мнѣ, какъ бы показывала въ сторону, откуда доносилась музыка. Но самое большое удовольствіе доставляло Марѳушѣ, когда мимо окна пролетала птица или по улицѣ пробѣгала собака. Тутъ она издавала особенно радостные звуки. Но бывало у нея и очень печальное расположеніе духа. Я ей разъ далъ зеркало. Она долго и грустно смотрѣлась въ него, а вечеромъ я засталъ ее, держащей это зеркало во всѣхъ четырехъ лапкахъ и издающей печальные звуки, похожіе на плачь.

Весною, когда въ саду распустились почки, когда меня самого природа манила къ солнцу, къ свѣту, я открылъ окно и, привязавъ Марѳушечку къ подоконнику, выпускалъ ее изъ клѣтки. Надо было видѣть радость этого милаго созданія. Она окликала всякаго прохожаго; извозчики, носильщики, рабочіе останавливались и подолгу съ ней говорили, бросали ей хлѣбъ, цвѣты, манили ее къ себѣ, и при всякой опасности Марѳушка оглядывалась на меня, а иногда бросалась ко мнѣ. На лѣто опять я уѣхалъ, оставивъ на этотъ разъ ее въ мастерской одну. За ней ухаживалъ мой служитель Трофимовъ, къ которому она привыкла и котораго даже полюбила. Смѣшно было смотрѣть, что она выдѣлывала съ нимъ, когда онъ убиралъ ее клѣтку. Она мѣшала ему работать, и строгій, серьезный служитель урезонивалъ ее, а она—то развяжетъ ему сзади передникъ, то вырветъ изъ его рукъ щетку. И все это не на зло, а чтобы поиграть.

Вернувшись изъ-заграницы, я нашелъ ее бодрой, здоровой. Меня радовало, что при нашемъ климатѣ, при запертой жизни своей, Марѳуша чувствуетъ себя хорошо. Не чувствовалъ я, что бѣда подкрадывается съ другой стороны и что милое существо погибнетъ такъ рано, совершенно случайно, какъ будто по моей винѣ. Марѳушка всегда любила ѣсть глину, изъ которой я лѣплю свои статуи. Когда я замѣчалъ, что она беретъ глину, я всегда во время отнималъ. Обыкновенно она прятала ее въ мѣшечки, которые находятся у обезьянъ подъ щеками и куда она всегда прятала запасъ пищи. Вѣроятно, во время моего отсутствія она достала кусокъ глины, съѣла ее и засорила себѣ желудокъ. Къ несчастью, я на день уѣхалъ на дачу и, когда вернулся, то нашелъ ее въ жару. Докторъ (ветеринаръ) прописалъ ей лекарство. Я ее лечилъ. Она слушалась меня во всемъ, съ трогательной нѣжностью глядя мнѣ

въ глаза, принимала лекарство, своими маленькими пальчиками сжимала мои руки, какъ бы прося помощи. Невыносимую боль я испытывалъ, глядя на умирающую обезьянку. Она съ трудомъ влѣзла на верхъ клѣтки и, передъ смертью, долго и грустно смотрѣла на небо, точно прощаясь съ природой. Я не отходилъ отъ нея. Рано утромъ она умерла.

Долго я не могъ зайти въ мастерскую. Все мнѣ напоминало тамъ моего маленькаго товарища, мою ласковую милую Мареушечку. Я далъ себѣ слово никогда больше не заводить другихъ животныхъ.

Илья Гинцбургъ.

Дѣтство Александра I.

НИ ОДНА бабушка на свѣтѣ, кажется, не радовалась такъ сильно рожденію своего перваго внука, какъ радовалась Екатерина Великая, когда у ея единственнаго сына Павла Петровича 12 декабря 1777 г. родился первый ребенокъ.

Бабушка сама выбрала имя новорожденному. Назвала его Александромъ въ честь Александра Невскаго. Она вѣрила, что имя оказываетъ вліяніе на человѣка и выбрала святого, который былъ героемъ и отличался мужествомъ и настойчивостью. Она сама была крестной матерью своего внука, а въ крестные отцы пригласила прусскаго короля Фридриха Великаго.

Императоръ Павелъ I.
Портретъ Боровиковскаго.

Столица была извѣщена о радостномъ событіи пушечной пальбой, а потомъ пошли безконечныя празднества. На одномъ изъ нихъ поэтъ Державинъ прочелъ свою оду „На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока“. Въ этой одѣ одинъ изъ добрыхъ духовъ — геніевъ, окружающихъ колыбель Александра, говоритъ ему: „Будь на тронѣ человѣкъ!“

Императрица Марія Феодоровна, мать Александра. Портретъ Кюгельхена, написанный въ 1801 г.

Екатерина была очень довольна этими словами. Они выражали ея собственную завѣтную мысль и желаніе. Александръ, будущій царь послѣ отца своего, Павла, долженъ былъ прежде всего сдѣлаться человѣкомъ въ полномъ и настоящемъ значеніи этого слова.

Бабушка рѣшила сама воспитывать внука. Сыну и невѣсткѣ она не довѣряла. Единственный сынъ, по своимъ взглядамъ, былъ чуждъ Екатеринѣ, и часто ее печалила мысль, что очень многое изъ того, что она сдѣлала, не будетъ поддержано ея ближайшимъ наслѣдникомъ.

Бабушка отобрала у родителей маленькаго Александра. Ей хотѣлось воспитать его самой и какъ можно лучше.

Въ то время у насъ воспитывали и учили дѣтей гораздо хуже, чѣмъ въ другихъ государствахъ. Россія, въ дѣлѣ воспитанія, еще не успѣла сравняться съ Европой, но Екатерина, одинъ изъ самыхъ образованныхъ людей своего времени, рѣ-

шила слѣдовать наставленіямъ лучшихъ западныхъ ученыхъ и воспитателей.

Чтобы ей никто не мѣшалъ дѣлать то, что она считала необходимымъ и важнымъ, она помѣстила внука поближе къ своимъ покоямъ.

Въ это время маленькихъ дѣтей въ Россіи всячески кутали, туго пеленали, качали въ люлькахъ и держали въ жарко натопленныхъ комнатахъ. Больше всего боялись простуды и окошекъ въ дѣтскихъ почти не отворяли. Екатерина не могла безъ ужаса вспомнить, какъ государыня Елизавета, тоже обожавшая сына своего наслѣдника, Петра III, держала маленькаго Павла подъ мѣховымъ одѣяломъ, въ душной комнатѣ, набитой мамушками и нянюшками. Можетъ быть, отъ этого Павелъ и вышелъ такимъ слабымъ, нервнымъ. Екатерина хотѣла, чтобы у ея внука было здоровое тѣло.

Она помѣстила его въ большой свѣтлой комнатѣ, которую часто провѣтривали. Люльки у него не было, и бабушка запретила его пеленать. Каждый день мальчика купали въ холодной ваннѣ. Ночью онъ спалъ безъ ночника, и въ комнатѣ громко говорили даже, когда онъ спалъ. На воздухъ мальчика стали выносить очень рано и въ первое же лѣто носили по царскосельскому парку безъ чепчика и усаживали безъ всякихъ ковриковъ прямо на траву или на песокъ. Все это дѣлалось, чтобы закалить ребенка. Благодаря бабушкѣ,

Великіе князья Александръ и
Константинъ. Портретъ
Бромптона.

онъ росъ, не зная простуды. Красивый мальчикъ казался еще красивѣе, потому что былъ большимъ, полнымъ и крѣпкимъ. Онъ былъ здоровъ и потому никогда не кричалъ.

Императрица Екатерина II въ Царскомъ селѣ.
Портретъ Боровиковскаго.

— Это ребенокъ, который не причинилъ никому ни малѣйшаго безпокойства съ той поры, какъ онъ появился на свѣтъ,—говорила о немъ бабушка.—И какъ понятливъ! Какъ веселъ, ласковъ, послушенъ. Хорошъ, какъ Амурь. Я отъ него безъ ума!

И внукъ очень любилъ свою бабушку. Онъ сразу переставалъ плакать, когда она входила въ комнату. Кричалъ, когда она уходила. Звалъ ее къ себѣ, когда бывалъ боленъ.

Екатерина, занятая государственными дѣлами, встававшая каждый день въ шесть часовъ, чтобы успѣть сдѣлать все, что намѣтила, находила время придумывать платьица для своего внука. Придумала особенный покрой: платьице безъ шва, такое, что ребенокъ не зналъ, когда его надѣвали. Заботясь о тѣлѣ внука, бабушка не забывала и о томъ, чтобы мальчикъ развивался умственно. Онъ еще едва говоритъ, а

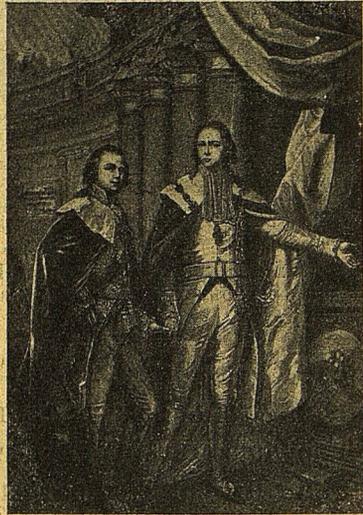
она уже сама составляет для него азбуку съ картинками. Въ то время хорошихъ азбукъ еще не было и, просмотрѣвъ ихъ всѣ, Екатерина составила свою. Эта „Бабушкина азбука“ была потомъ отпечатана, и по ней учили дѣтей.

Чтобы любимый внукъ не скучалъ безъ сверстниковъ, Екатерина взяла къ себѣ и второго сына Павла Петровича—Константина. Онъ родился черезъ два года послѣ Александра. Екатерина любила его гораздо меньше, чѣмъ старшаго внука.

— Это слабое существо. Онъ крикливъ, угрюмъ, — говоритъ она самымъ близкимъ, но съ дѣтьми старается быть ровной и справедливой, тѣмъ болѣе, что мальчики почти неразлучны.

Каждый день, ровно въ 10¹/₂ часовъ, „господинъ Александръ“ и „сударь Константинъ“, какъ ихъ прозвала бабушка, являются въ ея комнату. Она учитъ ихъ азбуку, рассказываетъ имъ сказки, которыя сама сочиняетъ.

Какъ-то разъ, когда разговоръ зашелъ о формѣ земли, она сейчасъ же послала въ Эрмитажъ за глобусомъ, чтобы показать его мальчикамъ. Послѣ обѣда, съ трехъ до четырехъ часовъ, внуки опять у нея въ комнатѣ. Они играютъ. Бабушка вышиваетъ. Она никогда не сидитъ безъ дѣла. Работаетъ, любитъ мальчиками и въ то же время присматривается, воображаетъ, какія черты характера въ нихъ надо развить, какія сгладить. Особенно заботитъ ее Александръ.

Великіе князья Александръ и Константинъ Павловичи. Портретъ Лампи.

Великій князь Александръ Павловичъ въ юности. Портретъ Лампи.

свой родной языкъ со всей его красотой, со всей его глубиной. Знать языкъ такъ, какъ изучила его сама Екатерина. Государыня знаетъ все, что написано русскими писателями, она и сама писательница и, кромѣ того, изучаетъ все, что создано самимъ народомъ: всѣ сказки, былины, пѣсни, пословицы и присловья.

„Предписываю со всей тщательностью изучать родной русский языкъ,“ записываетъ въ свою записную книжку Екатерина для руководства будущаго воспитателя великихъ князей.

Въ эту записную книжку Екатерина постоянно заноситъ что-нибудь новое.

Онъ, будущій послѣ отца, ея наслѣдникъ на тронѣ. Будетъ царемъ, царемъ огромнаго, самаго большого въ Европѣ государства.

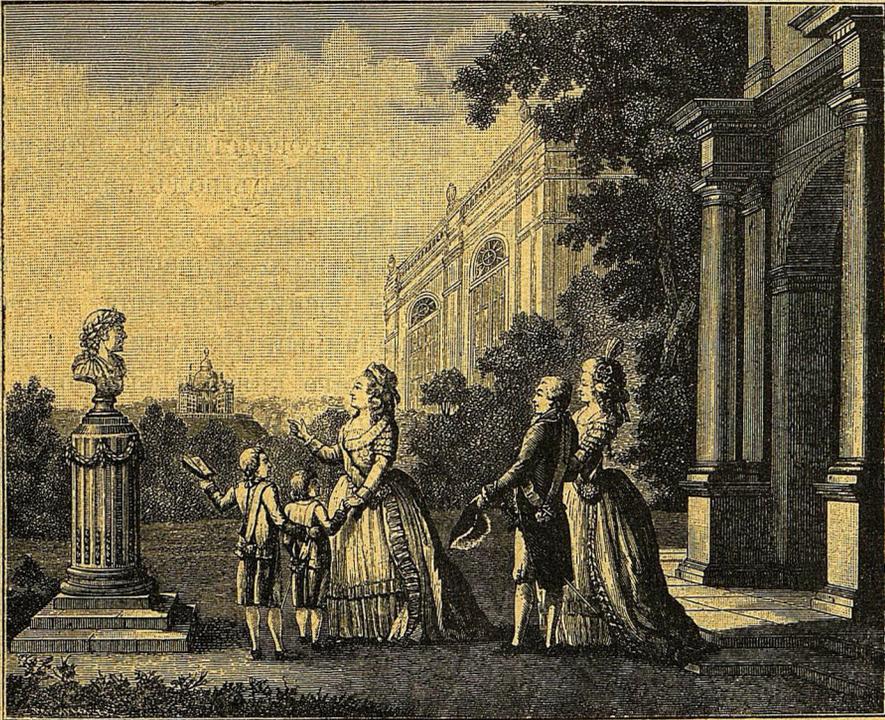
Какая великая, какая трудная задача. Какъ много надо знать ея любимцу, чтобы быть достойнымъ своего призванія.

Мальчики болтаютъ уже по-англійски и по-французски, говорятъ, конечно, и по-русски. Но развѣ этого достаточно? Русский царь долженъ знать

Великій князь Константинъ Павловичъ въ юности. Портретъ Лампи.

— Одѣвать великихъ князей какъ можно проще и легче, пищу имъ давать самую простую,—говоритъ она воспитательницѣ.—Буде кушать захотятъ между обѣдомъ и ужиномъ, по куску чернаго хлѣба дать.—И еще прибавляетъ:

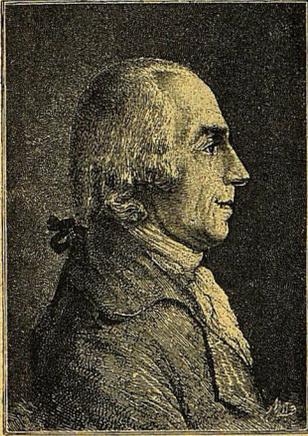

Екатерина II съ семействомъ въ Царскосельскомъ саду. Рисунокъ съ натуры Антинга.

— Чтобы не кушали, когда сыты и не пили, не имѣя жажды. Чтобы не пили холоднаго, вспотѣвши, а если выпьютъ, то, раньше чѣмъ пить, скушали бы кусокъ хлѣба.

Бабушка приказываетъ внукамъ чаще бывать на свѣжемъ воздухѣ, не бояться ни загара, ни сквозняковъ.

Лѣтомъ они купаются и плаваютъ вволю въ царскосельскихъ прудахъ и на взморьѣ, когда пріѣзжаютъ съ Екатериной въ петергофскій дворець Монплезиръ. Бабушка позволяетъ имъ однимъ кататься на лодкѣ. Они бѣгаютъ, сколько хотятъ, по всѣмъ дорожкамъ царскосельскаго и петергофскаго парка, копаютъ землю, сѣютъ горохъ, сажаютъ капусту, пахутъ сохой, боронятъ, столярничаютъ подъ руководствомъ столяра-нѣмца, бѣлятъ дворець подъ надзоромъ голландца-штукатура.

Фридрихъ-Цезарь Лагарпъ.

Съ шестилѣтняго возраста у Александра уже не воспитательница, а воспитатели: преданный Екатеринѣ и родителямъ великаго князя, Салтыковъ, и образованный швейцарець Лагарпъ.

Сначала Лагарпъ былъ приглашенъ только для французскаго языка, но у государыни даръ узнавать людей. Въ Лагарпѣ она открыла талантъ воспитателя и поручила ему главный надзоръ за мальчиками.

Съ Лагарпомъ Екатерина часто бесѣдуетъ о воспитаніи. Взгляды у нихъ на этотъ предметъ одинаковые.

Екатерина, позволяя дѣтямъ дѣлать все, что не вредитъ ихъ здоровью, требуетъ полнаго повиновенія отъ своихъ внуковъ.

— Да будетъ то, что имъ бабушка или воспитатель приказали, непрекословно исполнено, — говоритъ она. — Что запретили, чтобы казалось такъ же трудно нарушить, какъ измѣнить погоду. Кто съ младенчества не привыкаетъ слушаться родителей и наставниковъ, тотъ, и созрѣвъ, не въ

состояніи будетъ слушать совѣтовъ здраваго разсудка и справедливости.

— Что дѣти повелительнымъ голосомъ требуютъ, того совѣмъ не давать,—часто повторяла она.

Каждый вечеръ Лагарпъ приходитъ къ ней съ дневникомъ маленькаго Александра. Мальчикъ самъ записываетъ туда всѣ свои проступки и оплошности.

Большихъ огорченій любимый внукъ бабушкѣ не причиняетъ. Злости и дурного умысла у него никогда не бываетъ. Въ хорошихъ поступкахъ видны доброе сердце и любовь къ ближнему.

Какъ-то, во время починки царскосельскаго дворца, одинъ рабочій упалъ съ крыши и переломилъ себѣ ноги. Его поспѣшили унести, но Александръ, узнавъ про несчастье, въ одну минуту велѣлъ отправить больному свою постель, простыни и своего лейбъ-медика. Этотъ поступокъ очень утѣшилъ Екатерину. Она постоянно старается внушить дѣтямъ состраданіе и человѣколюбіе. Она требуетъ, чтобы мальчики были внимательны и добры не только къ людямъ, но и ко всему живому, не мучили бы животныхъ и птицъ, не ловили бы даже бабочекъ и мухъ. Собакъ, птицъ, ручную бѣлку и всѣхъ своихъ звѣрей они должны сами кормить и цвѣты въ комнатахъ тоже поливаютъ сами.

Въ десять лѣтъ мальчики уже серьезно учатся, ихъ учатъ географіи, астрономіи, математикѣ, физикѣ, ботаникѣ, но больше всего обращаютъ вниманіе на русскую исторію. Бабушка, не найдя хорошаго руководства, сама пишетъ исторію для своихъ внуковъ и постоянно напоминаетъ воспитателямъ, чтобы они, какъ можно больше, знакомили своихъ воспитанниковъ съ Россіей, съ ея картами, съ описаніемъ разныхъ губерній во всѣхъ подробностяхъ. Великіе князья

должны знать, гдѣ какая почва, какія животныя водятся, какая растительность, какія рѣки, какіе нравы, обычаи и одежда населенія.

За свое славное, блестящее царствованіе государыня еще раздвинула предѣлы и безъ того обширной имперіи.

„Теперь больше войнъ въ ближайшемъ будущемъ не предвидится“, мечтала она. „Когда Александръ сдѣлается царемъ, онъ будетъ только заботиться о внутреннемъ устройствѣ страны, заботиться объ ея просвѣщеніи, о распространеніи наукъ, о процвѣтаніи искусствъ.“

Такъ думала Екатерина. Такъ думалъ и самъ Александръ. Воспитанный просвѣщеннымъ и челоѡколюбивымъ Лагарпомъ, онъ считалъ войну величайшимъ изъ всѣхъ народныхъ бѣдствій и мечталъ о вѣчномъ мирѣ между всѣми народами.

Но это осталось только мечтой.

Изъ безвѣстнаго уголка міра, съ маленькаго островка на Средиземномъ морѣ появился челоѡкъ простого происхожденія, но одаренный гениемъ полководца. Челоѡкъ этотъ былъ Наполеонъ Бонапартъ. Маленькій капраль съумѣлъ сдѣлаться французскимъ императоромъ, а потомъ, смявъ, сокрушивъ и подчинивъ себѣ почти всю Европу, онъ, мечтая покорить міръ, обрушился и на Россію и принудилъ къ войнѣ Александра.

П. Мамаевъ.

На вершину Арарата.

(Продолженіе).

Надо скорѣе пробраться сквозь облако: тамъ, выше свѣтитъ солнце, тамъ тепло и сухо.

Дѣйствительно, черезъ часъ мы добрались до верхняго края облаковъ: надъ головами стало проглядывать темноси-

нее небо, дождикъ уже не моросилъ; еще нѣсколько минутъ— и засіяло солнце. Облака остались внизу. Сверху они казались плотными снѣжными кучами и блестѣли такъ сильно, что больно было смотрѣть. Земли не было видно; только верстахъ въ восьми поднималась изъ облаковъ желтая вершина Малаго Арарата.

— Вѣрно ваши товарищи уже тамъ,—сказалъ Николай Александровичъ.

Мы начали разсматривать Малый Араратъ въ бинокли, но разглядѣть на немъ людей нельзя было.

Отдохнувъ, мы снова начали карабкаться по камнямъ. Однако, скоро пришлось опять сдѣлать маленькій привалъ, потому что Муръ, Григорій Ивановичъ и нѣсколько казаковъ выбились изъ силъ и начали отставать.

Наступалъ вечеръ. Солнце зашло за Большой Араратъ, и внизу, на бѣлоснѣжныхъ облакахъ, мы увидѣли громадную синюю тѣнь вершины. Съ каждой минутой тѣнь становилась длиннѣе; вотъ она уже достала до Малаго Арарата и начала понемногу вползать на него. Становилось холодно, и ручейки, бѣгущіе съ вершины, сразу притихли. Мы замѣтили, что обломки скалъ начали примерзать другъ къ другу и уже не срывались съ мѣста при каждомъ нашемъ шагѣ.

Намъ хотѣлось скорѣе добраться до такого мѣста, на которомъ было бы удобно остановиться на ночлегъ; но такого мѣста пока нигдѣ не находилось: всюду наваленныя скалы, крутые скаты, обледенѣлые, острые камни. Наконецъ, мы добрались до большихъ скалъ, между которыми нашлось удобное мѣстечко. Его еще нужно было расчистить, и мы быстро принялись за работу: разворачивали камни, закладывали ими просвѣты между скалами, чтобъ оттуда не дуло, а на краю возвели цѣлую подпорную стѣнку, боясь, какъ бы не поползли

камни ночью вмѣстѣ съ нами внизъ. Пока я, казаки, Джонсонъ и Николай Александровичъ возились съ камнями, Муръ съ Колей и Григоріемъ Ивановичемъ распаковывали багажъ и готовили ужинъ. Курды не захотѣли ночевать на этой высотѣ, сдали намъ вещи и стали быстро спускаться внизъ. туда, гдѣ потеплѣе.

Ручейки окончательно замолкли, и чай мы уже готовили изъ снѣга. Скоро стемнѣло. Англичане и Николай Александровичъ залѣзли въ свои спальные мѣшки, Колю завернули въ одѣяло, Григорій Ивановичъ примостился къ казакамъ, у которыхъ оказались запасныя бурки. Я натянулъ на ноги теплые валенки, на голову—шапку съ наушниками, накрылся буркой, вытащилъ изъ подъ бока два острыхъ камня и уснулъ такъ скоро и крѣпко, что не замѣтилъ, какъ небо заволочло тучами, и насъ начало посыпать снѣгомъ. Когда я, часа черезъ два, проснулся, снѣгу намело уже съ четверть аршина.

Я досталъ фонарикъ и посмотрѣлъ на термометръ: морозъ былъ не большой—всего пять градусовъ. Въ скалахъ гудѣлъ вѣтеръ, но на нашей площадкѣ было почти совсѣмъ тихо. Снѣгъ продолжалъ засыпать насъ, но мы закрылись съ головами и не обращали на него вниманія.

— Гдѣ же теперь наши курды? Лежатъ гдѣ-нибудь внизу и, вѣроятно, мокнуть подъ дождемъ: лучше бы остались съ нами,—говорилъ Коля.

Выспались хорошо. Востокъ уже совсѣмъ поблѣлѣлъ, когда мы проснулись, стали вылѣзать изъ-подъ снѣга и отряхиваться.

— А это чьи сапоги лежатъ?—спросилъ молодой казакъ.

— Да, вѣдь, это Ничипоренко: разбудите его!

Казакъ начинаетъ дергать за сапогъ.

— Ничипоренко, вставай, ихъ благородія уже встали.

Снѣжный сугробъ шевелится, изъ-подъ него поднимается папаха, бурка и, наконецъ, вылѣзаетъ Ничипоренко. Джонсона пришлось вытаскивать изъ мѣшка: самъ никакъ не могъ выбраться.

Снѣгъ покрылъ весь склонъ горы; только кое-гдѣ чернѣли острия скалы. Небо чисто, облаковъ нѣтъ и подъ нами. Внизу на землѣ еще совершенно темно. Темносиними рядами стоятъ далекія горы, и только позади насъ самая верхушка Арарата сіяетъ розовымъ свѣтомъ. Вотъ загорѣлся Алагезъ, а за нимъ и еще нѣсколько вершинъ. Розовое пятно съ верхушки Арарата по снѣгу добѣжало до насъ, и въ тотъ же мигъ изъ-за далекихъ горъ брызнули на насъ лучи солнца. Я спѣшилъ сдѣлать наблюденія и уложить инструменты. Чай былъ готовъ. Мы наскоро позавтракали и начали собираться. До вершины оставалось часа четыре пути. Рѣшено было взять только самыя необходимыя вещи и немного провизіи. Остальное все сложили на мѣстѣ. Григорій Ивановичъ и три казака остались при вещахъ, а я съ Джонсономъ, Муромъ, Николасемъ Александровичемъ, Колей, офицеромъ и остальными казаками продолжали подъемъ.

Свѣжій рыхлый снѣгъ вначалѣ очень мѣшалъ намъ, но солнце пригрѣло сильнѣе, снѣгъ осѣлъ, и изъ-подъ него опять показались острые камни.

Уже становилось трудно дышать; въ виски стучало, начинала кружиться голова; приходилось все чаще останавливаться, чтобы отдышаться и немного притти въ себя.

— Отчего это происходитъ?—спрашивалъ Коля.

Я объяснилъ ему, что на большихъ высотахъ воздухъ очень рѣдокъ, что тамъ человѣку приходится дышать часто и глубоко, чтобъ грудь получила столько воздуха, сколько

человѣку нужно, что человѣческія легкія отказываются отъ такой непосильной работы, воздуху не хватаетъ, и человѣкъ начинаетъ задыхаться; при этомъ начинается головокруженіе, шумъ въ ушахъ, тошнота; иногда лопаются мелкія жилки подъ нѣжной кожей, и тогда у путешественниковъ начинается итти кровь изъ носа, десенъ и ушей. Эта горная болѣзнь обыкновенно сейчасъ же проходитъ, какъ только путешественникъ спустится внизъ.

Скоро у насъ заболѣло два казака. Они пробовали тащиться за нами, но поминутно останавливались отдыхать и, наконецъ, рѣшили итти назадъ къ тому мѣсту, гдѣ остался Григорій Ивановичъ.

Часа черезъ два мы добрались до конца камней; нужно было перебраться черезъ ледяной скатъ на сосѣднія скалы, чтобы по нимъ продолжать путь вверхъ. Николай Александровичъ началъ топоромъ вырубать во льду тропинку. Чтобы онъ какъ-нибудь не сорвался внизъ, его обвязали вокругъ пояса веревкой, и я съ двумя казаками ухватились за эту веревку. Николай Александровичъ поработалъ минутъ 10 и уже былъ почти на срединѣ ледяного ската, какъ вдругъ присѣлъ на ледъ, выпустилъ изъ рукъ топоръ и сталъ сползать внизъ.

— Что съ вами, Николай Александровичъ?

Но Николай Александровичъ молчалъ. Мы осторожно притянули его веревкой къ себѣ и увидѣли, что онъ безъ сознанія. Вѣроятно это была горная болѣзнь.

Николая Александровича стали приводить въ чувство, а я обвязался веревкой и пошелъ доканчивать его тропинку. Голова кружилась, потому что при работѣ топоромъ нужно было наклоняться, но всетаки я благополучно прорубилъ тропинку до скалъ и даже слазилъ внизъ, чтобы достать топоръ

Николая Александровича. По тропинкѣ осторожно перебрались ко мнѣ всѣ, кромѣ Мура и трехъ казаковъ.

— А вы что же?

— Нѣтъ, страшно дальше, да и устали, голова кружится; лучше мы васъ здѣсь подождемъ.

Такъ насъ становилось все меньше и меньше.

Еще черезъ полчаса мы добрались до громадныхъ отвѣсныхъ скалъ; онѣ стояли цѣлой стѣной и преграждали намъ путь къ вершинѣ. Надо было поискать другой дороги. Я пошелъ направо вдоль стѣны, Николай Александровичъ налѣво, а остальные рѣшили подождать, пока мы найдемъ дорогу. Скоро я дошелъ до конца скалъ и увидѣлъ, что дальше идти невозможно: вершина была видна, но до нея тянулся совершенно гладкій и страшно крутой ледяной скатъ. Нѣтъ, отсюда подняться невозможно: надо возвращаться къ товарищамъ. Отдохнуль и пошелъ вдоль стѣнки назадъ.

Николай Александровичъ былъ счастливѣе меня. Онъ нашелъ въ скалахъ трещину, по которой можно было пробраться наверхъ стѣны. Я пролѣзъ по трещинѣ, укрѣпилъ на верху веревку, и тогда уже остальнымъ легко было взобраться; только не слѣдовало смотрѣть внизъ: становилось страшно и казалось, что, если выпустить веревку изъ рукъ, то будешь летѣть до самого Сардаръ-Булага. Коля и офицеръ не захотѣли лѣзть и остались у подножія стѣнки. Наверхъ выбрались только четверо: Николай Александровичъ, я, Джонсонъ и одинъ казакъ—тотъ самый Ничипоренко. Скалъ дальше не было, и до вершины шель не особенно крутой ледяной скатъ. Мы обвязались веревкой и пошли гуськомъ. Сначала Джонсонъ и Ничипоренко скользили, и намъ съ Николаемъ Александровичемъ приходилось поддерживать ихъ на веревкѣ, но дальше скатъ сдѣ-

лался очень отлогимъ, и они держались на ногахъ свободно.

Но вотъ мы добираемся до верхняго края ледяного ската. Передъ нами снѣжная полянка. Неужели это и есть вершина? Да, мы на вершинѣ. На полянѣ еще возвышается нѣсколько небольшихъ обледенѣлыхъ холмиковъ: вѣроятно это верхушки скалъ, занесенныхъ снѣгомъ; кругомъ сугробы свѣжаго снѣга. Во всѣ стороны отъ полянки спускаются ледяные скаты; кажется, что, если сѣсть на сѣверный скатъ и поѣхать, то будешь летѣть, пока не попадешь въ ту страшную трещину, въ которой когда то погибла деревня Ахури; покатишься по южному—попадешь въ Турцію; что дѣлается на западномъ скатѣ—намъ не видно. Всѣ кавказскія горы—какъ на ладони: вотъ тянется главный Кавказскій хребетъ со снѣговыми вершинами: видѣнъ Казбекъ, а лѣвѣе, въ дымкѣ, и Эльборусъ.

— Сколько верстъ до нихъ?—спрашиваетъ Николай Александровичъ.

— До Казбека 350, а до Эльборуса почти 500.

Я началъ свои наблюденія, Николай Александровичъ съ Джонсономъ пошли бродить по вершинѣ, а Ничипоренко разостлалъ по снѣгу бурку и завалился спать. Тишина на вершинѣ была полная. Солнце ярко блистало на темносинемъ небѣ; снѣгъ и ледъ почти не таяли, но мои инструменты и всѣ темные предметы очень сильно нагрѣвались; отъ бурки, на которой спалъ Ничипоренко, паръ поднимался столбомъ; руки и лицо пекло, какъ позавчера въ пустынѣ; глаза слѣпилъ блескъ снѣга: пришлось надѣть темные очки.

Я спѣшилъ закончить работу, чтобы успѣть еще полюбоваться видомъ, такъ какъ зналъ, что скоро вершину затянетъ облаками. Часамъ къ 10 у меня все было готово; я уложилъ

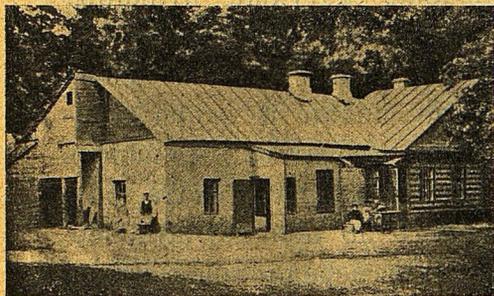
инструменты, оставилъ ихъ возлѣ спящаго Ничипоренки и пошелъ къ турецкому краю вершины; мнѣ хотѣлось хорошенько разсмотрѣть сверху тѣ маленькіе потухшіе вулканы, которыхъ такъ много къ югу отъ Арарата.

Двигаться по свѣжему глубокому снѣгу было очень трудно: поминутно я проваливался по поясъ и скоро увидѣлъ, что до турецкаго края мнѣ не добраться; пришлось повернуть назадъ. Я присѣлъ на край ледяного ската, досталъ большую карту Кавказа и началъ по ней изучать вершины и горные хребты, которые стояли передо мной цѣлой толпой. Однако скоро пришлось прекратить это занятіе. Вокругъ вершины Арарата появились первыя маленькія облака; постепенно они становились гуще, больше, и въ нѣсколько минутъ всю вершину заволокло туманомъ. Николай Александровичъ и Джонсонъ могли заблудиться; я выстрѣлилъ раза два изъ револьвера, чтобъ показать имъ, гдѣ мы съ Ничипоренкой. Скоро послышались ихъ голоса, а затѣмъ и они сами вынырнули изъ тумана. Оказалось, что и они, такъ же какъ и я, постоянно проваливались въ сугробахъ, но все же успѣли обойти почти всю вершину.

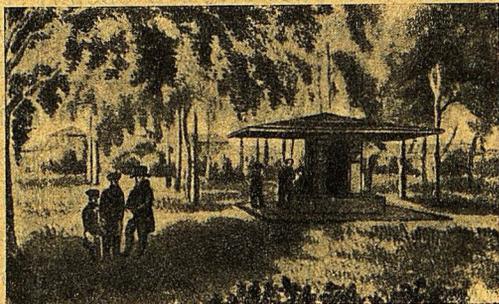

Памяти А. С. Пушкина.

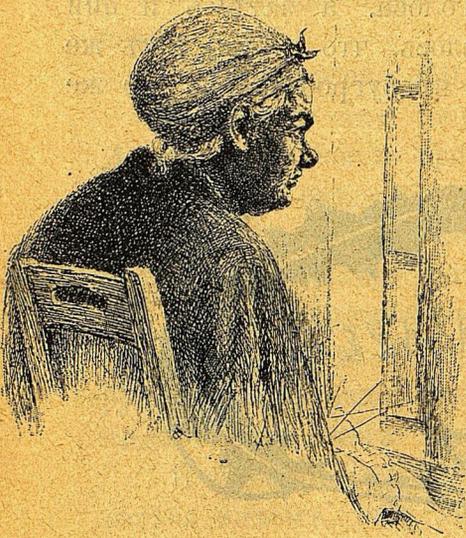
Пушкинъ родился 26 мая 1799 г., а 2 января 1912 г. исполнилось 75 лѣтъ со дня кончины нашего великаго поэта.

Домикъ, гдѣ родился Пушкинъ.

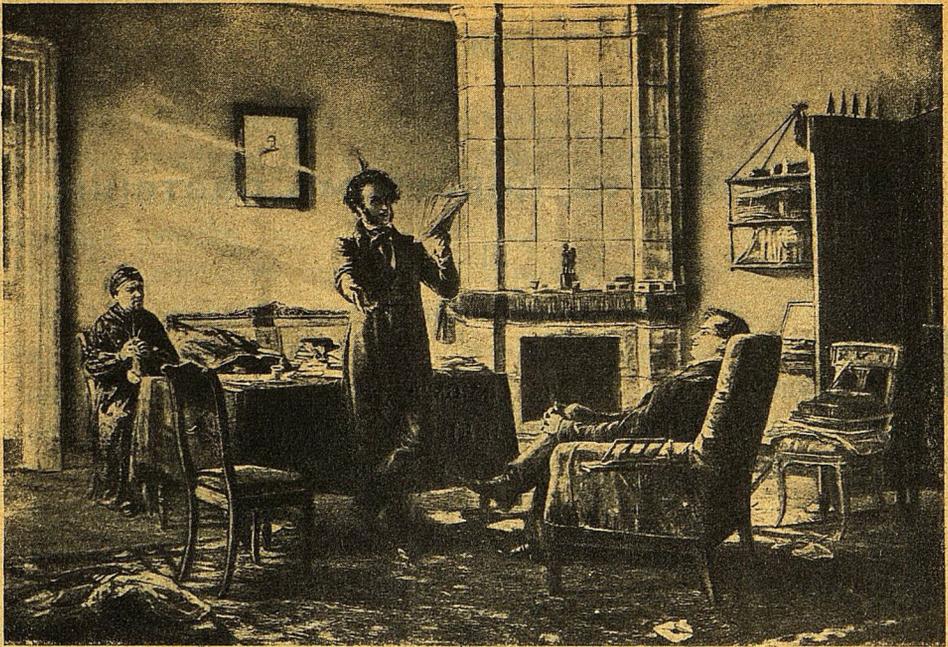
Бесѣдка „Грибокъ“ въ саду лица, гдѣ воспитывался Пушкинъ.

Няня Пушкина Арина Родионовна.
Картина В. Максимова.

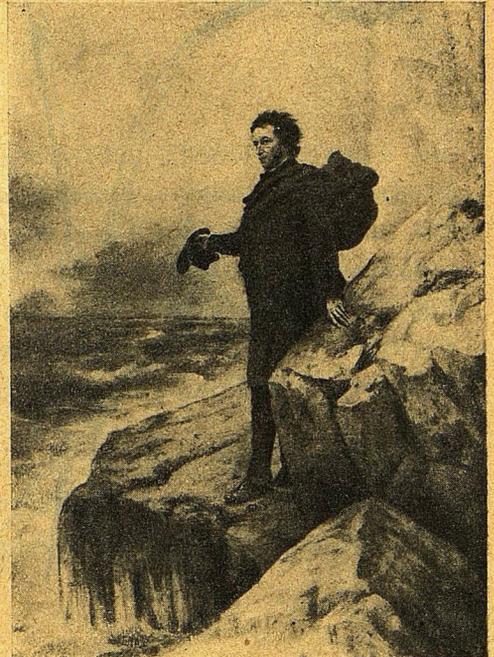
Пушкинъ въ ранней юности.

Пушкинъ читаетъ свои стихи другу Пушкину и нянѣ Аринѣ Родіоновнѣ.

Пушкинъ 28-ми лѣтъ.

Пушкинъ прощается съ Чернымъ моремъ.
Картина Рѣпина и Айвазовскаго.

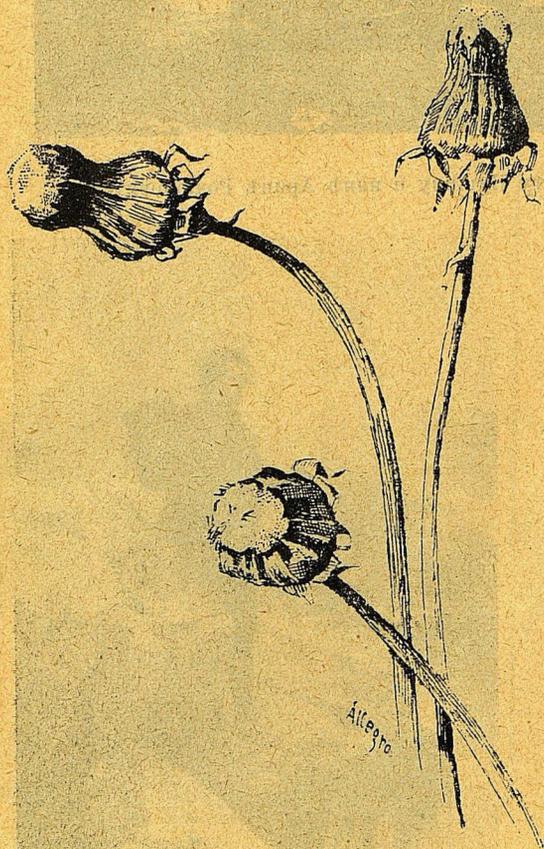
Знакомство съ царствомъ растений.

Ш.

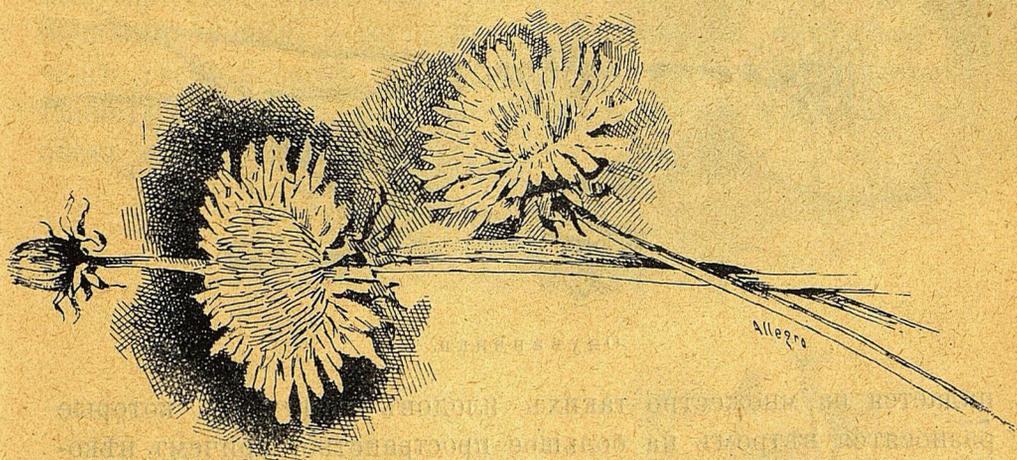
Одуванчикъ.

НА опушкѣ лѣса и въ самомъ лѣсу виднѣются давно намъ извѣстные одуванчики (*Taraxacum officinale*) со своими длинными, неправильно разсѣченными, листьями и

ярко-желтыми цвѣтами, а кое-гдѣ уже и съ сѣдыми пушистыми шариками. Мы видѣли это растеніе давно, но глубоко заблуждались, думая, что передъ нами одинъ большой цвѣтокъ. Рассмотримъ его внимательнѣе. Попробуемъ выдернуть одинъ или нѣсколько, какъ намъ кажется, лепестковъ и, пользуясь нашими знаніями о строеніи цвѣтка, рассмотримъ, что въ дѣйствительности у насъ въ рукахъ. Мы сразу видимъ, что передъ нами не одинъ лепестокъ вѣнчика, а цѣлый цвѣтокъ со всеми его частями. Снизу мы видимъ завязь, отъ ко-

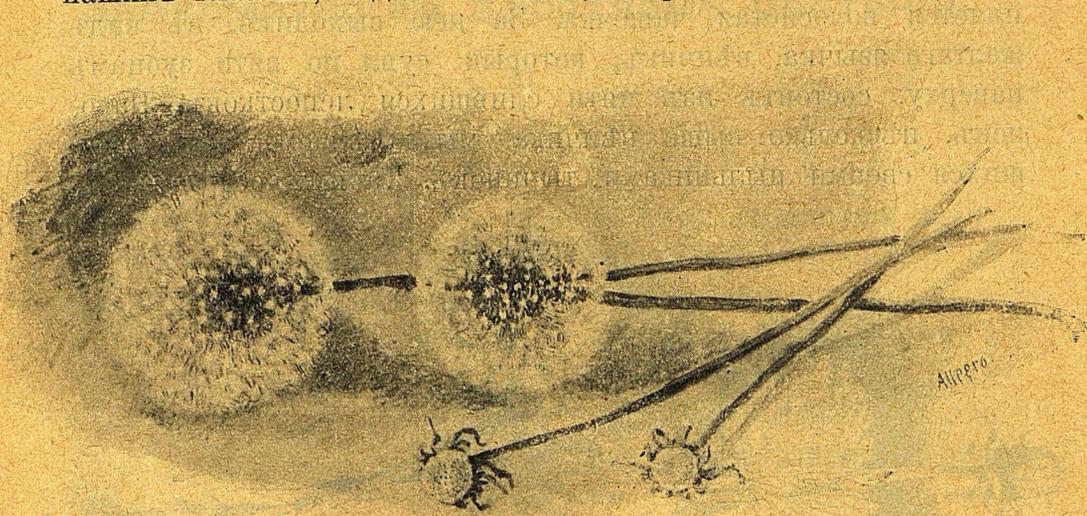
торой кверху идетъ длинный столбикъ, переходящій въ раздвоенное рыльце. Къ пестику, снизу, подъ завязью прикрѣпляется волосистая чашечка. За нею выходитъ, въ видѣ желтаго язычка, вѣнчикъ, который, судя по пяти зубцамъ наверху, состоитъ изъ пяти слившихся лепестковъ. Наконецъ, нѣсколько выше вѣнчика мы замѣчаемъ пять, сросшихся своими пыльниками, тычинокъ. Такимъ образомъ то,

что мы называли цвѣткомъ, оказывается тѣсной группой маленькихъ цвѣтовъ (соцвѣтіе—корзинка), собранныхъ вмѣстѣ на одномъ мясистомъ, разросшемся въ видѣ подушечки, видоизмѣненномъ стеблѣ (цвѣтоложе). Группа зеленыхъ листьевъ, подъ всѣмъ соцвѣтіемъ, вначалѣ вполне прикрываетъ всѣ цвѣты, а когда они раскроются, служитъ хорошей защитой отъ ползающихъ вредныхъ животныхъ: слизняковъ, муравьевъ и другихъ.

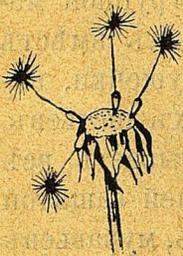
Разсматривая теперь пушистые шарики, мы замѣчаемъ, что они представляютъ собою тѣсную группу плодовъ—летучекъ, снабженныхъ однимъ острымъ сѣмечкомъ и длиннымъ

стерженьемъ, на которомъ держится волосистая чашечка. На нашихъ глазахъ, подъ вліяніемъ вѣтерка, нашъ шарикъ рас-

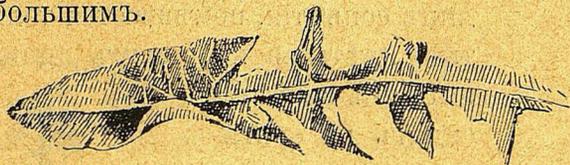
Одуванчики.

падаетъ на множество такихъ плодовъ - летучекъ, которые разносятся вѣтромъ на большое пространство, причемъ нѣкоторыя изъ нихъ долгое время красиво носятся въ воздухѣ, другіе падаютъ на землю. Вотъ посмотрите на

одну такую летучку, упавшую у нашихъ ногъ. Заостренное сѣмя легко впиивается во влажную землю, а волосистая чашечка со стерженькомъ легко отламывается вѣтромъ и падаетъ, исполнивъ свое назначеніе. Цѣль достигнута. Растеніе совершило послѣднее въ своей жизни, необычайно важное для него дѣло: погрузивъ свое сѣмя въ землю, оно обезпечило существованіе своего потомства. На слѣдующій годъ изъ разсѣянныхъ, такимъ образомъ, сѣмянъ вырастетъ множество новыхъ одуванчиковъ.

Наше вниманіе останавливается еще на томъ, что на открытых мѣстахъ одуванчикъ—маленькій; листья его располагаются почти по самой землѣ, между тѣмъ какъ въ тѣнистыхъ мѣстахъ лѣса онъ очень длинный, и листья его высоко поднимаются кверху, какъ будто тянутся къ чему-то. Что бы это значило? Да это, видимо, онъ стремится къ свѣту. На открытомъ мѣстѣ одуванчикъ все время пользуется солнечными лучами, а тотъ, которому пришлось пріютиться въ чащѣ лѣса, долженъ искать солнечныхъ лучей среди густыхъ тѣнистыхъ вѣтвей. Непрерывное стремленіе къ свѣту дѣлаетъ его большимъ.

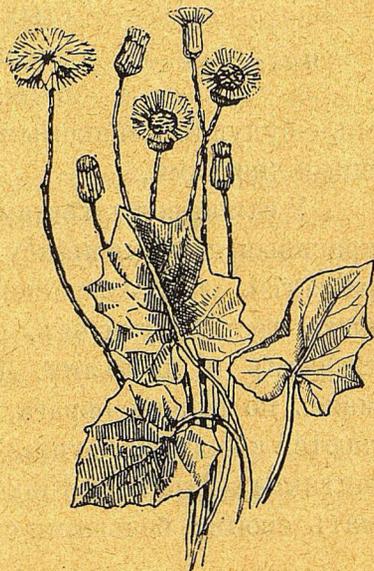

IV.

У ручья.

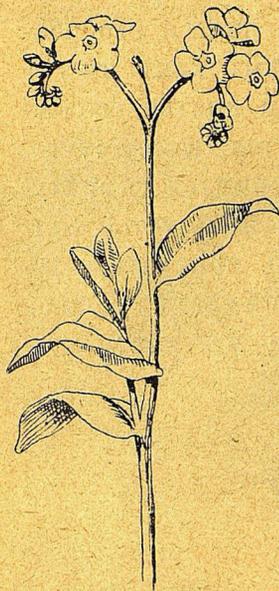
Мы въ лѣсномъ оврагѣ. Берега его густо заросли влаголюбивой ольхой (*Alnus incana*). Въ глубинѣ оврага, по дну, устланному массой закругленныхъ камешковъ, быстро катится и журчитъ лѣсной ручей.

На его глинистыхъ берегахъ мы замѣчаемъ цѣлыя заросли мать-и-мачехи (*Tussilago farfara*), съ ея большими свѣтло-зелеными листьями. Мы беремъ такой листъ и верх-

Мать-и-Мачеха.

ней глянцевитой поверхностью прикладываемъ его къ щекѣ, — замѣчается ощущеніе холода; прикладываемъ этотъ же листъ

Незабудка.

нижней, бѣловатой, покрытой волосками поверхностью, — чувствуется теплота. Вотъ, видимо, это свойство листьевъ этого растенія и послужило поводомъ къ его оригинальному названію: „точно мать приглубить, точно мачеха холодомъ обдасть“. Кое-гдѣ въ тѣни замѣтны и желтые цвѣты этого растенія. Это, собственно, тѣ же соцвѣтія, или группы цвѣтовъ, что мы видѣли у одуванчиковъ, но здѣсь, въ срединѣ соцвѣтія, помѣщаются только трубчатые цвѣты, а по краямъ только язычковые. Эти соцвѣтія сидятъ на оригинальныхъ мясистыхъ стебляхъ, покрытыхъ бѣловатыми чешуйками,

— будущими знакомыми намъ, большими листьями.

У самой воды мѣстами пріютились красивыя, голубыя незабудки (*Myosotis palustris*), защищающіяся отъ незваныхъ гостей, улитокъ, щетинистымъ стеблемъ и листьями. Далѣе, поднимаясь по склону оврага, намъ встрѣчаются красивыя группы папоротника-щитника (*Aspidium Filix Mas*), издающаго своеобразный аромат своими большими сильно разсѣченными листьями. Густыя

Цвѣтущая малина.

заросли цвѣтущей малины (*Rubus idaeus*) колятъ насъ своими шипами; это тоже защита отъ враговъ. Разсматривая окружающія насъ растенія, мы медленно покидаемъ оврагъ. Ручей журчитъ все тише и тише.

(Продолженіе слѣдуетъ).

За счастьемъ.

IX.

Пріѣздъ въ Капуу.

ВЪ концѣ концовъ примолкли всѣ трое.

Таніэлло молча, задумавшись, смотрѣлъ на закатъ, окрасившій облака оранжевымъ цвѣтомъ.

Надвигались сумерки. Глубокая тишина только порой нарушалась пѣснями сборщиковъ винограда, которые возвращались съ работы домой. Изрѣдка мальчикамъ по пути попадались домики съ дымившимися трубами. Близился часъ ужина.

Какъ назывались мѣста, по которымъ они проѣзжали, мальчики совсѣмъ не знали, да и не интересовались узнать. Имъ нравилось чувствовать себя затерянными среди всего новаго и чужого, что ихъ окружало.

Все больше и больше темнѣло. Подходила ночь.

Таніэлло первый высказалъ словами то, о чемъ подумали всѣ трое.

— Какъ уже темно,—грустно и робко промолвилъ онъ.

— Здѣсь страшновато... Можетъ быть, здѣсь разбойники водятся.

— Да замолчи же! Вотъ сейчасъ зажгутъ газовые фонари, тогда посвѣтлѣетъ,—пошутилъ Дженарино.

Но шутка успѣха не имѣла. На нее никто не отзывался.

Тотоно былъ сумраченъ. Онъ вдругъ почувствовалъ себя отвѣтственнымъ за все это рискованное предпріятіе.

— Нѣтъ, провести всю ночь въ поляхъ—это невысказано,—проговорилъ Дженарино.

— Конечно, невысказано,—согласился и Таніэлло.

— Но гдѣ же найти пристанище?

— Въ первой деревушкѣ, которая намъ попадется на пути...

— Вотъ вы говорили оба, что Женева близко...—несмѣло началъ Таніэлло,—а мы все ѣдемъ и ѣдемъ, а до сихъ поръ еще не встрѣтили людей, которые говорили бы такъ, какъ говорилъ синьоръ Каландроне. До сихъ поръ всѣ насъ понимаютъ. Почему же это?

Дженарино и Тотоно на этотъ вопросъ промолчали.

Но вдругъ Тотоно сказалъ:

— Э, да нечего тамъ соображать. Ёдемъ просто все впередъ и впередъ. Къ утру мы будемъ въ Женевѣ.

Но тутъ взбунтовался Дженарино.

— Нечего сказать, хорошо придумано! Скакать невѣдомо куда съ рискомъ сломать себѣ шею. Нѣтъ, баста! Съ меня довольно. Я поворачиваю обратно въ Неаполь.

Таніэлло осмѣлѣлъ. Увидѣвъ, что Дженарино противъ Тотоно, онъ тоже набросился на товарища и осыпалъ его упреками.

Ночь была мрачная. Небо покрылось облаками, и звѣзды почти не было видно. Какія-то тѣни метались впереди по дорогѣ. Это были тѣни раскачиваемыхъ вѣтромъ платановъ, но мальчикамъ онѣ казались ужасными.

Осель видимо усталъ и подвигался впередъ уже медленно.

Тотоно, изъ предосторожности, не желая еще больше раздражать товарищей, ни словомъ не отвѣчалъ на ихъ упреки. Онъ выжидалъ. Дженарино ворчалъ и бранился. Таніэлло сталъ всхлипывать. Тогда Тотоно не выдержалъ:

— Да замолчите же оба, наконецъ! — крикнулъ онъ. — Вотъ городъ. Развѣ вы не видите? Женева!

Въ эту минуту Тотоно былъ похожъ на Христофора Колумба, который крикнулъ: „Земля!“ завидѣвъ, наконецъ, желанный Новый Свѣтъ.

Но огни приближались такъ медленно, что мальчикамъ стало даже казаться, что они уходятъ отъ нихъ.

— Море, море! — вдругъ испуганно закричалъ Таніэлло, указывая на широкую металлическую полосу справа. — Вотъ видите! Мы ѣдемъ совсѣмъ не туда, куда нужно.

Но это было совсѣмъ не море. Трусливый Таніэлло принялъ за море обыкновенную маленькую рѣчку.

Наконецъ, мальчуганы разглядѣли первые городскіе домики. Это такъ подбодрило Дженарино, что онъ снова запѣлъ во все горло.

Осель поддержалъ его и сталъ пронзительно кричать. Прыгунъ принялся лаять.

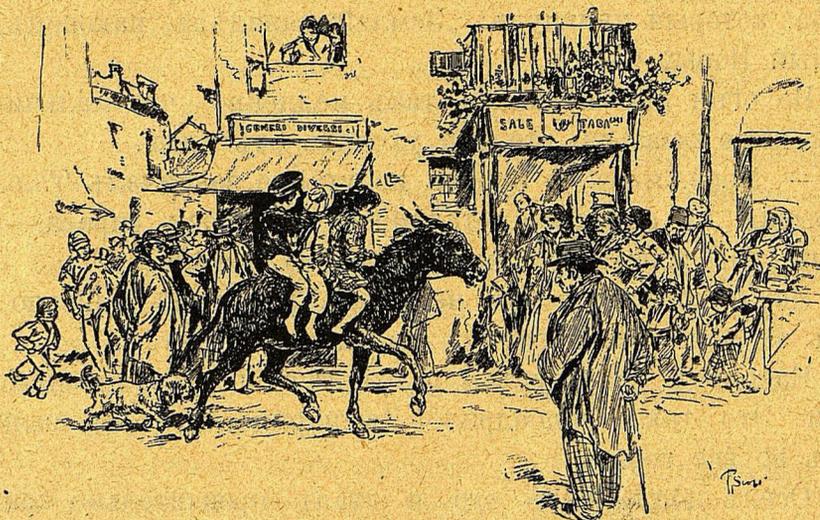
Тотоно, не теряя времени, спрыгнулъ съ осла и подбѣжалъ къ одному изъ свѣтившихся окошекъ. Ему хотѣлось узнать, гдѣ они.

Вернулся онъ очень скоро.

— Нѣтъ, это еще не Женева, а Капуа, — сообщилъ онъ. — Но я увѣренъ, что отсюда до Швейцаріи совсѣмъ близко. Вотъ завтра еще пройдемъ день, ну а ужъ къ вечеру...

— Еще цѣлый день пути? — уныло сказалъ Таніэлло. Его уже давно тошнило отъ долгой ѣзды на ослѣ и отъ сильной усталости.

Быстро доѣхали они до городской площади. Здѣсь, въ ресторанахъ, ярко горѣли огни. За столиками сидѣли все больше военные. Въ городскомъ саду оркестръ вдругъ заигралъ такой веселый вальсъ, что осель сразу пустился галопомъ, а Прыгунъ съ неистовымъ лаемъ полетѣлъ за нимъ.

Вся публика, конечно, сразу обратила вниманіе на странный поѣздъ.

Вся публика, конечно, сразу обратила вниманіе на странный поѣздъ.

Мальчики, замѣтивъ, что на нихъ смотрять, сняли свои головные уборы и дружно крикнули на всю площадь:

— Да здравствуетъ Италія и ея храброе войско!

Вальсъ умолкъ. Военные окружили мальчугановъ и забросали ихъ вопросами:

— Откуда вы?

— Кто вы? |

— Чѣмъ занимаетесь?

— Куда ѣдете?

— Мы консерваторскіе ученики,—не задумываясь, хоромъ отвѣтили мальчики.—Мы рѣшили избавиться отъ скучныхъ учителей и поискать по бѣлому свѣту счастья.

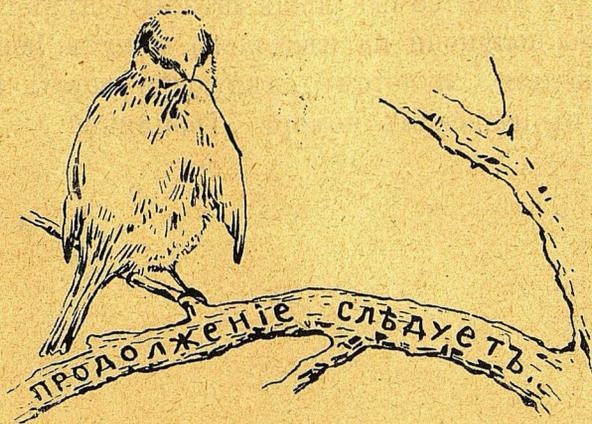
Толпа видимо сразу прониклась сочувствіемъ къ мальчуганамъ. Вокругъ нихъ раздался добродушный и веселый смѣхъ, а отвѣты ихъ передавались отъ одного къ другому и вызывали новое веселье. Всѣ тѣснились къ нимъ поближе, всѣмъ хотѣлось разсмотрѣть получше и со всѣми подробностями маленькихъ музыкантовъ и ихъ инструменты.

— Мальчуганы! А сколько времени, признавайтесь, вы не ѣли?—спросилъ грубый, привыкшій командовать голосъ.

— Три недѣли, ваше превосходительство!—отвѣтилъ, не моргнувъ глазомъ, Тотоно.

— Въ такомъ случаѣ, живо идите ужинать! —скомандовалъ тѣмъ же голосомъ полковникъ.

Мальчики съ восторгомъ поспѣшили вслѣдъ за полковникомъ. Толпа торжественно провожала неаполитанскихъ музыкантовъ.

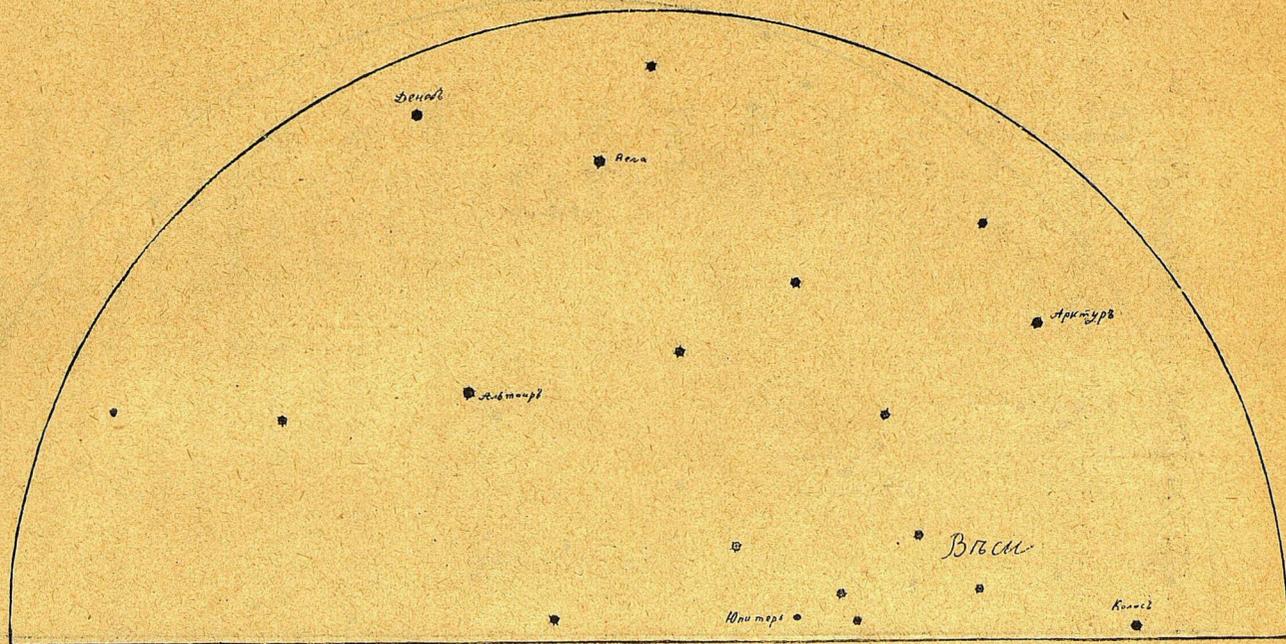
Астрономическія карты.

ВЪ ЭТИ мѣсяцы наша Земля съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе поворачивается къ Солнцу своимъ сѣвернымъ полушаріемъ; во всѣхъ странахъ, лежащихъ въ сѣверномъ полушаріи, дни становятся длиннѣе, а на сѣверномъ полюсѣ и вблизи его съ 8-го марта солнце и вовсе не заходитъ. Въ маѣ дни у насъ слѣлаются уже настолько длинными, что для ночи почти не будетъ оставаться времени: еще не успѣетъ, какъ слѣдуетъ, стемнѣть, какъ Солнцу опять нужно подниматься: у насъ начнутся бѣлыя ночи. На свѣтломъ небѣ въ такія ночи бываютъ видны только самыя яркія звѣзды, и вотъ почему такъ мало звѣздъ изображено на нашихъ майскихъ картахъ. Въ началѣ мѣсяца еще можно будетъ найти на небѣ нѣкоторыя звѣздочки поменьше, но съ каждымъ вечеромъ ихъ будетъ видно все меньше и меньше. Изъ планетъ въ маѣ мы найдемъ уже знакомый намъ Марсъ, но онъ будетъ еще слабѣе, чѣмъ былъ въ апрѣлѣ.

Въ іюнѣ наблюденія неба стануть совсѣмъ невозможными: въ полночь будетъ такъ свѣтло, что свободно можно будетъ читать книгу; даже самыя яркія звѣзды будутъ показываться только около полуночи на нѣсколько минутъ. Іюньскія карты начертить нельзя, и потому слѣдующія карты неба будутъ помѣщены въ іюльскомъ номерѣ „Тропинки“.

А. Ловдисъ.

Южное небо.

Востокъ.

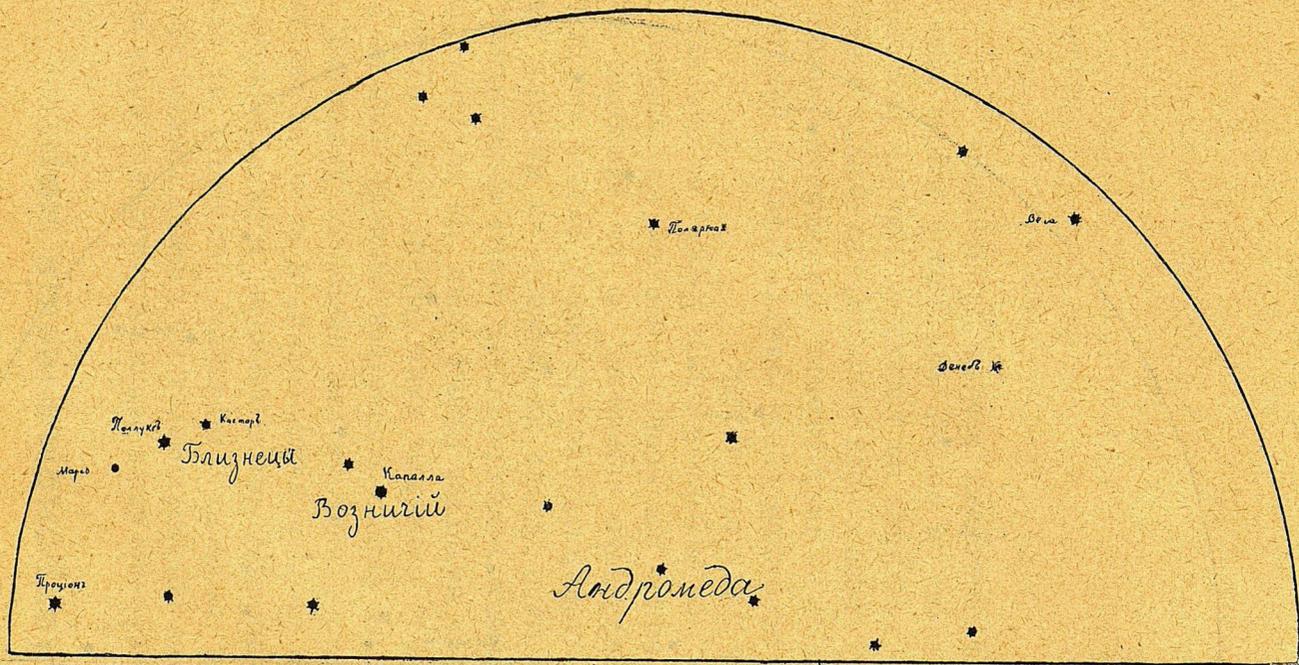
Юго.Востокъ

Югъ..

Юго-Западъ.

Западъ.

Съверное небо.

Западъ.

Съверо-Западъ.

Съверь.

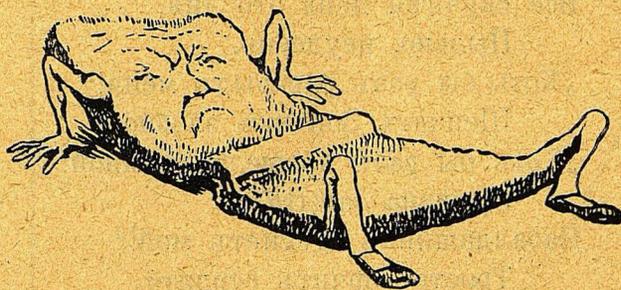
Съверо-Востокъ.

Востокъ.

Трость и Зонтикъ.

ТРОСТЬ и Зонтикъ въ уголку
Рядышкомъ стояли.
На бездѣлье и тоску
Межь собой ворчали.
„Нашъ хозяинъ захвораль:
Кашляетъ, чихаетъ.
Докторъ былъ, лекарство далъ
И не выпускаетъ.
Но какое дѣло намъ
До хозяйской хвори.
Такъ и тянетъ насъ къ дверямъ,
Ахъ, ты горе, горе!
На дворѣ веселый май,
Всѣ гулять стремятся,
Ты же стой въ углу—сучай!“
Зонтикъ съ Тростью злятся.
Все скучнѣй день ото дня,
Пыльно, неудобно.
„Хоть бы разъ раскрылъ меня!“
Шепчетъ Зонтикъ злобно.
„Хоть бы разъ прошелъ со мной:
Брошена забыта,
Набалдашникъ тускнетъ мой!“
Трость ворчить сердито.
Вдругъ въ прихожей—брякъ звонокъ!
И вошелъ знакомый.
Ставить зонть свой въ уголокъ.
„Что—хозяинъ дома?“

И къ хозяйину прошелъ.
Тишина въ прихожей.
Новый зонтикъ рѣчь повелъ:
„Вы на что похожи!
Зонть, ты что повѣсилъ носъ?
Трость, что такъ грустна ты?
По поклону вамъ принесъ
Я отъ дяди Мата.
Онъ все тамъ же, у дверей,
Мѣсто занимаетъ.
У входящихъ къ намъ людей
Ноги вытираетъ.
Трудъ нелегкій, господа,
Долженъ я признаться,
И мой дядя иногда
Началъ раздражаться.
„Надоѣли“ говорить,
„Мнѣ людскія ноги,“
И коробится-лежитъ
На своемъ порогѣ.

Услыхавъ, что къ вамъ иду,
Очень былъ доволенъ.

„Передай, что, на бѣду,
Самъ то дядя боленъ,
И гнететь его тоска,
Если жъ не забыли,
Пусть бы дядю-старика
Оба навѣстили.“
Гость ушелъ „Затихнетъ

домъ,“

Зонтъ внушаетъ Трости,
„Ночь настанетъ, и пойдемъ
Мы съ тобою въ гости.“
„То, что Коврикъ насъ зоветъ
Это очень мило,
Только ночью дождь

пойдетъ,“

Шепчетъ трость уныло.

„На Барометръ погляди:
Онъ присѣлъ ужасно
И ворчитъ: „Дожди, дожди!“
И не молвить: „Ясно!“

„Твой Барометръ—жалкій
трусъ:

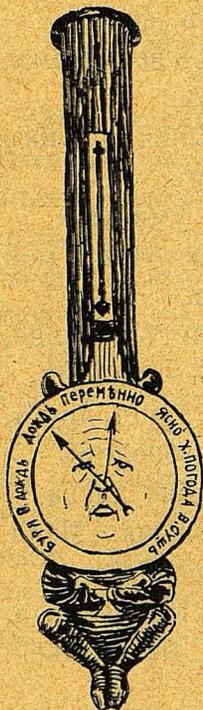
Нервы слишкомъ тонки.

Я же вовсе не боюсь:

Мы, вѣдь, не дѣвченки.“
Ночь бѣлѣетъ, не темна.

Жесткія колѣнки
Подгибая, изъ окна
Лѣзутъ внизъ по стѣнкѣ.
Соскочили на панель.

Мутны улицъ дали.

„Мы, вѣдь, больше двухъ недѣль,
Зонтикъ, не гуляли.“

„Нагуляемся теперь.

Ну, живѣй немножко!

Если Мать не отперъ дверь,
Влѣземъ мы въ окошко.“

И друзья пустились въ путь.
Стало вдругъ темнѣе.

Началъ сильно вѣтеръ дуть,
Дождь запѣлъ слышнѣе.

Капли шепчуть: „Капъ-капъ-трамъ!

Мы по крышамъ, по
камнямъ,

Дрипъ и дропъ, и флипъ,
флопъ, флѣмъ,

Плачемъ, шлюпаемъ,
идемъ.“

Трахъ! раскрылся Зонтикъ
вдругъ

И зоветъ умильно:

„Ближе, Тросточка мой
другъ,

Дождь идетъ обильно,

Вѣтеръ дуетъ—упадемъ,

А, держа другъ друга,

Мы отлично добредемъ

До квартиры друга.“

Трость не слушала: „Меня

Въ это предпріятъе

Ты вовлекъ... Промокла я,

Простужусь... Проклять!“

И съ проклятьемъ на устахъ
Трость домой пустилась,
„Помоги, я гибну, ахъ!..“
Глухо доносилось.
Это вѣтеръ Зонтъ поймалъ
И швырнулъ за крыши.
Словно черный дымъ, мелькалъ
Зонтикъ выше, выше.
И куда съ тѣхъ поръ исчезъ—
Трость такъ и не знаетъ.
Ахъ, какихъ только чудесъ
Въ мірѣ не бываетъ!

П. Соловьева.

Историческій календарь.

31 мая 1224 г. произошла первая битва русскихъ съ татарами на рѣкѣ Калкѣ. День этотъ былъ однимъ изъ самыхъ ужасныхъ дней прошлаго нашей родины. Ужасенъ онъ былъ по числу погибшихъ въ бою, но еще ужаснѣе по своимъ послѣдствіямъ. Съ этого дня началось для Руси тяжелое бѣдствіе, которое зовется „татарской неволей“.

Налетѣла эта бѣда на русскихъ неожиданно-негаданно. Принесло ее, какъ черную тучу зловѣщую, изъ невѣдомыхъ азіатскихъ степей. Съ давнихъ поръ, по этимъ степямъ кочевало мелкорослое, скуластое, косоглазое монгольское племя—татары. Съ мѣста на мѣсто, по просторнымъ степямъ кочевали татары со своими стадами. Въ каждомъ кочевьѣ, то-есть, въ каждой ордѣ у нихъ былъ свой начальникъ или ханъ, и всѣ кочевья одной заботой жили: какъ бы имъ по-

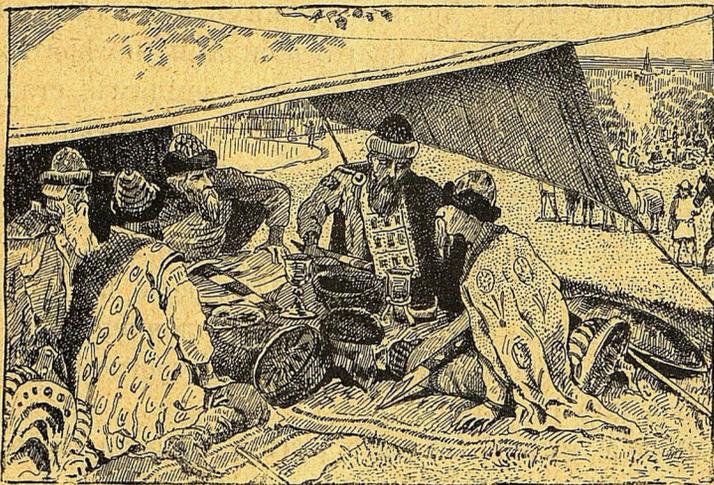
сытнѣе накормить свои стада, чтобы самимъ отъ нихъ быть сытыми. И такъ какъ луговъ было вдоволь, то изъ края въ край азіатскихъ степей разбрѣдались татарскія кочевья и жили, никому не мѣшая, каждое своей немудреной жизнью.

Выѣстъ скотъ траву въ одномъ мѣстѣ, разберутъ татары свои шалаши—круглыя войлочныя юрты, сдѣланныя изъ хвороста и тонкихъ жердей, сложатъ ихъ на телѣги—и въ путь. Ъдутъ татары, женъ и дѣтей везутъ. Этихъ женъ у каждаго татарина-язычника по нѣскольку. Сколько можно за деньги купить, столько каждый себѣ и покупаетъ. Двигается кочевье, пока не набредетъ на хорошія пастбища. Набредетъ—остановится. Пораскинуть татары свои юрты и заживутъ на новомъ мѣстѣ, какъ прежде жили на старомъ.

Скотъ самъ пасется, женщины пищу варятъ, одежду шьютъ, а мужчины охотятся, отдыхаютъ, пьютъ, ѣдятъ.

Такъ мирно и тихо жили татары, пока не появился въ одной ордѣ ханъ Темучинъ. Заговорили объ этомъ ханѣ по всей Азіи, когда онъ еще тринадцатилѣтнимъ мальчикомъ, сдѣлавшись ханомъ послѣ смерти своего отца, велѣлъ сварить въ кипящихъ котлахъ семьдесятъ заговорщиковъ, которые покушались на его жизнь. Но не одинъ только ужасъ умѣлъ внушать Темучинъ. Отъ вѣковой спячки разбудилъ онъ свой лѣнивый народъ. Жажду подвиговъ и славы пробудилъ онъ въ татарахъ. И такъ какъ дикій народъ не знаетъ другого пути къ славѣ, какъ завоеванія, то разбуженное къ жизни племя, точнорѣка, способная течь только по одному пути, устремилась на чужія земли. Самъ Темучинъ, покоривъ и перебивъ всѣхъ окрестныхъ хановъ, уже сталъ называть себя не просто ханомъ, а ханомъ между ханами или Чингисъ-ханомъ. Орда его усилилась покоренными ордами. Колдуны, которымъ татары слѣпо вѣрили, какъ всѣ темные народы, стали прославлять Тему-

чина и предрекать, что онъ завоюетъ міръ. Народъ сталъ смотрѣть на своего новаго хана, какъ на человѣка, посланнаго небомъ для прославленія татаръ. Со всѣхъ концовъ Азіи стекались кочевья подъ начало къ Темучину. Темучинъ собралъ ихъ, придалъ имъ военное устройство и обрушился съ ними сначала на Китай, потомъ на Туркестанъ, на Пер-

Съездъ князей. Картина С. Иванова.

сію и на земли Кавказскія. Здѣсь, у Каспійскаго моря, татары столкнулись съ половцами, еще недавними врагами русскихъ, и разбили ихъ. Половцы бросились за помощью къ русскимъ князьямъ.

— Идетъ съ востока сила невѣдомая, несмѣтная,—говорилъ половецкій князь, кланяясь русскимъ князьямъ конями, верблюдами и невольниками. Сегодня враги взяли нашу землю, завтра возьмутъ вашу. Помогите намъ. Не поможете—нынче мы будемъ изсѣчены, вы—завтра.

— Если половцамъ не помочь, то они татарамъ предадутся, и у тѣхъ силы еще прибудеть,—сказаль на совѣтѣ княжескомъ галицкій князь Мстиславъ Удалой.—Лучше помочь.

А другой князь прибавиль:

— Лучше татаръ на чужой землѣ принять, чѣмъ на своей.

На томъ и порѣшили, чтобы въ походъ итти. Князья были люди отважные, дружина у нихъ была храбрая. Всѣмъ хотѣлось съ невѣдомымъ врагомъ силами помѣряться.

Поразѣхались князья по своимъ землямъ, стали къ походу готовиться и весной, едва вскрылся Днѣпръ, ладьями его воды покрыли. И такъ много этихъ ладей было, что ступая по нимъ, съ одного берега на другой переходили. А по берегу, на коняхъ и пѣшкомъ, тоже войско шло.

На пути русскихъ остановили татарскіе послы.

— Не на васъ, вѣдь, идемъ, на половцевъ, — убѣждали они князей. — Вашихъ земель мы не трогаемъ, не зачѣмъ вамъ и воевать съ нами.

А князья, вмѣсто всякаго отвѣта, велѣли пословъ перебить и дальше пошли. Обѣщали они половцамъ помочь и не захотѣли отступиться отъ своего слова.

На каменистыхъ берегахъ рѣки Калки, впадающей въ Азовское море, сразились русскіе съ татарами. Погубили всю битву половцы. Они первыми на татаръ шли, но не выдержали. Бросились бѣжать и смяли стоявшіе за ними русскіе полки. Началась рѣзня. Храбро бились князья и дружина. Князь Волынской, восемнадцатилѣтній Данииль, сражался, не замѣчая, что раненъ въ грудь. Но храбрость не помогла. Озвѣрѣлые татары искрошили почти все русское войско. Шестъ князей и около семидесяти богатырей погубило въ этой рѣзнѣ. Дружинниковъ осталась въ живыхъ едва десятая часть.

Побѣдители, празднуя побѣду, пировали, по своему обычаю, на столахъ изъ досокъ, положенныхъ на недобитыхъ князей. Русскіе ждали, что татарскіе полчища двинутся дальше, въ глубину Россіи, но Чингисъ-ханъ вдругъ отозвалъ свои полчища обратно въ Азію, и орда, точно дикій звѣрь, насытившій на свободѣ свою кровожадность и послушный голосу своего укротителя, поспѣшно устремилась обратно въ свои степи. Татары исчезли такъ же внезапно и неожиданно, какъ и появились. Это былъ ихъ первый набѣгъ на Россію. Послѣ него они цѣлыхъ два вѣка терзали, жгли, раззоряли, мучили и всячески унижали нашу родину.

Пиръ татаръ послѣ битвы на Калкѣ.

1 Мая 1692 г. была спущена на Переяславскомъ озерѣ первая русская яхта, едѣланная руками самого двадцатилѣтняго царя Петра Великаго. Еще маленькимъ трехлѣтнимъ ребенкомъ Петръ любилъ воду. Въ кремлевскомъ дворцѣ былъ устроенъ для забавы царевича въ комнатномъ саду небольшой прудъ, въ который накачивали воду по трубамъ изъ Москвы-рѣки. Въ этомъ пруду царевичъ катался на лодкѣ. Но забавляло это его очень не долго. Какъ только онъ подросъ, игрушечный прудъ сразу показался ему скучнымъ и тѣснымъ. Живого, умнаго ребенка потянуло на просторъ, на свободу, подальше отъ мамушекъ и нянюшекъ, на настоящую лодку, на настоящую рѣку. Сталь

онъ кататься и по Москвѣ-рѣкѣ, и по рѣкѣ Яузѣ въ селѣ Измайловѣ, гдѣ онъ часто проживалъ вмѣстѣ съ матерью Натальей Кирилловной, послѣ смерти отца своего Алексѣя Михайловича. Но мать дрожала надъ безумно любимымъ, единственнымъ сыномъ. Его страсть къ водѣ пугала ее, и она старалась удержать Петра отъ его забавъ на рѣкѣ. Но удержать Петра, когда его куда-нибудь тянуло, было трудно. Особенно безпокойно стало царицѣ, когда Петру случайно попала на глаза старая лодка, оказавшаяся заброшеннымъ англійскимъ ботомъ.

Было въ эту пору Петру четырнадцать, лѣтъ, и много безпокойства причинялъ онъ окружающимъ своими безпрестанными вопросами и разспросами часто о такихъ вещахъ, какія другимъ и въ голову не приходили. Ученыхъ людей среди русскихъ тогда почти не было, большинство бояръ едва знало грамоту, и трудно приходилось придворнымъ съ любознательнымъ быстрымъ мальчикомъ. Очень обрадовались они, когда случайно удалось приставить къ Петру бывалаго и знающаго голландца Тиммермана. Голландецъ, не задумываясь, бойко отвѣчалъ на какіе угодно вопросы. Петръ ужасно этому радовался и ни на шагъ не отпускалъ отъ себя новаго учителя. Съ Тиммерманомъ забрелъ онъ въ сарай, гдѣ валялась разная рухлядь. Разглядѣлъ судно, непохожее на обыкновенные русскіе, и забросалъ Тиммермана вопросами:

— Откуда лодка? Чья она? Почему такая чуднѣя?

Тиммерманъ объяснилъ, что это англійскій боть.

— А лучше онъ нашихъ?

— Гораздо лучше.

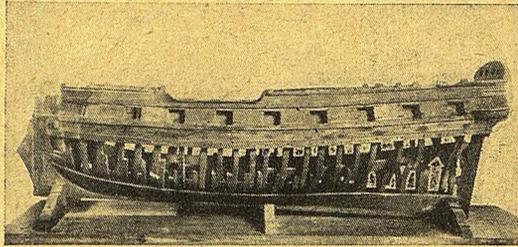
— А почему лучше?

— Потому лучше, что на парусахъ по вѣтру и противъ вѣтра ходить.

— Противъ вѣтра? Не можетъ быть! Хочу посмотрѣть, — рѣшилъ Петръ.

Но боть не годился для спуска. Тогда Тиммерманъ отыскалъ своего земляка-голландца. Оказалось, что именно этотъ голландецъ какъ разъ и строилъ этотъ боть по приказанію царя Алексѣя Михайловича. Починили боть, спустили на воду. Петръ быстро научился имъ управлять и съ восторгомъ катался на парусахъ по рѣкѣ - Яузѣ. Онъ радовался, а Наталья Кирилловна печалилась. Видѣла, что уже сына теперь ей не удержать. И дѣйствительно, Яуза скоро прискучила Петру.

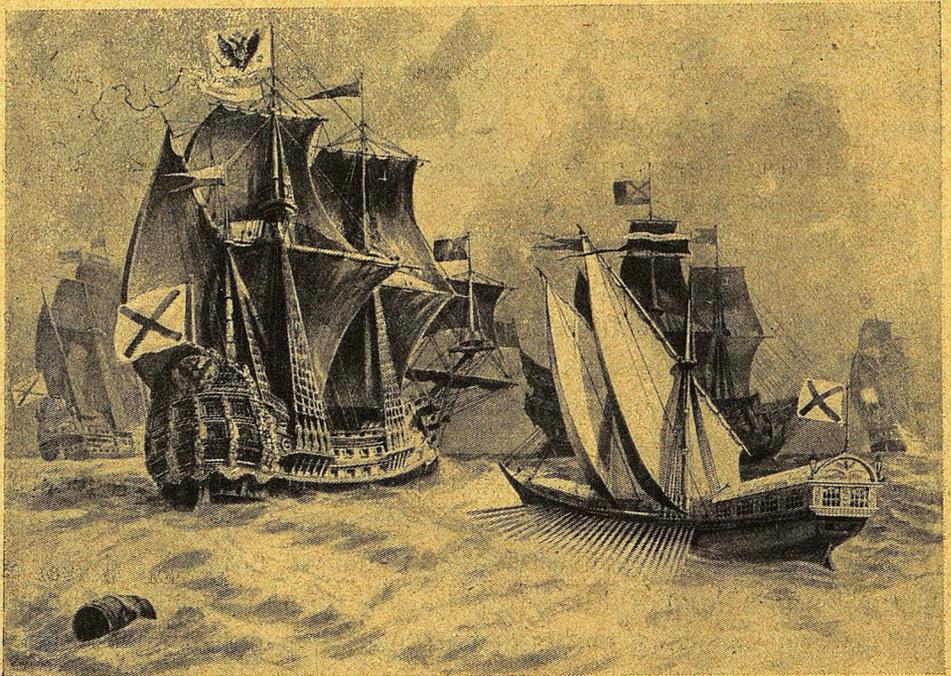
Боть въ ней не всегда хорошо ворочался, часто упирался въ берега, и царь перебрался на Измайловскій прудъ. Но и тамъ простору было немногимъ больше. Сталъ Петръ провѣдывать, гдѣ больше воды. Узналъ, что ближе нѣтъ большого озера, какъ

Модель корабля собственноручной работы Петра Великаго.

Переяславское, въ 120 верстахъ. Но какъ туда пробраться? Сказать матери прямо — не отпустить. Рѣшилъ обманомъ уѣхать. Сказалъ, что далъ обѣщаніе съѣздить къ Троицѣ на богомолье, а отъ Троицы пробрался въ Переяславль. Видъ большого, красиваго озера, гдѣ боть уже не будетъ стукаться о берега, еще больше разманилъ Петра. Онъ открылся во всемъ матери и упросилъ ее позволить ему завести новую потѣху на озерѣ. Выписали изъ Голландіи мастеровъ, построили на берегу озера корабельную верфь и принялись строить корабли. Первую яхту сдѣлалъ своими руками самъ царь. Старшій мастеръ его училъ, а Петръ работалъ. Въ это время онъ уже былъ же-

натъ. Но ни мать, ни молодая жена не могли его дожидаться. Матери онъ писалъ нѣжныя письма, называлъ себя „сыннш-кой въ работѣ пребывающимъ“, и на всѣ ея просьбы о возвращеніи домой отвѣчалъ, что не поѣдетъ, пока не кончитъ дѣла. Наконецъ, яхта была кончена и спущена въ воду. Но Петръ и послѣ этого домой не попалъ. Въ іюлѣ Наталья Кирилловна сама пріѣхала со всѣмъ дворомъ взглянуть на сына и на его корабли. У Петра въ это время было уже нѣсколько кораблей, и онъ уже не просто катался по озеру, а устраивалъ морское ученъе и даже примѣрныя сраженія. У Россіи теперь уже былъ свой небольшой флотъ.

Флотъ Петра Великаго. Рисунокъ С. Панова.

1 Мая 1703 г. **Петръ** взялъ шведскую крѣпость **Ніеншанць**. Петръ давно мечталъ пробратъся къ Балтійскому морю. Самая короткая дорога къ нему была Невой. Александръ Невскій побѣдилъ на Невѣ шведовъ, но потомъ шведы отняли у русскихъ эту землю и овладѣли русской крѣпостью Орѣшкомъ. Орѣшекъ этотъ находился при самомъ выходѣ Невы изъ Ладожскаго озера, и вся Нева очутилась въ шведскихъ рукахъ. Петръ взялъ Орѣшекъ приступомъ. „Жестокъ былъ этотъ Орѣхъ, однако, слава Богу, счастливо разгрызенъ“, — сказалъ онъ и назвалъ взятый городъ Шлиссельбургомъ — Ключемъ городомъ, потому что взятіемъ его отмыкался ходъ къ морю.

Изъ Шлиссельбурга войско двинулось по лѣсамъ и болотамъ дальше по Невѣ. Здѣсь, въ семи верстахъ отъ устья, въ томъ мѣстѣ, которое теперь называется въ Петербургѣ Охтою, была шведская крѣпость Ніеншанць. Цѣлую ночь громили ее русскіе изъ пушекъ и мортиръ, а подъ утро шведы выкинули бѣлое знамя — знакъ, что сдаются.

2 Мая 1703 г. **Петръ Великій**, подъ именемъ **бомбардиръ - капитана Петра Михайлова**, одержалъ морскую побѣду надъ шведами. На другой день послѣ взятія крѣпости Ніеншанць караульные донесли, что на взморьѣ показались непріятельскіе корабли. Посадивъ нѣсколько сотенъ солдатъ въ тридцать лодокъ, царь подкрался къ непріятельскимъ судамъ, окружилъ ихъ и взялъ, несмотря на то, что у шведовъ были пушки, а у русскихъ ихъ не было. Петръ и его друзья были въ восторгѣ. „Два непріятельскихъ корабля взяли, остальные разогнали. Викторія (побѣда) небывалая!“ повторялъ царь.

16 Мая 1703 г. былъ заложенъ **Петербургъ**. На одномъ изъ безлюдныхъ островковъ Невскаго устья, на нынѣшней

Петербуржской сторонѣ, среди болотъ и лѣсовъ, вспугивая звѣрье и птицъ, застучали топоры. Строили крѣпость для защиты только-что отвоеванной у шведовъ земли. Строили ее рядомъ съ уже заложеной церковью, въ память апостоловъ Петра и Павла, и потому назвали Петропавловскою. Здѣсь же царь велѣлъ сколотить себѣ, на скорую руку, домикъ въ двѣ комнаты съ кухней. Домикъ совсѣмъ не царскій. Дворца строить было некогда, да и не къ чему. Царь, въ своей будущей новой столицѣ, работалъ такъ, какъ не работалъ ни одинъ изъ 20 тысячъ выписанныхъ имъ рабочихъ. Надъ рабочими надзирали близкіе ему люди, а надъ всѣми былъ самъ царь. Онъ и планы чертилъ, онъ и каналы для осушенія топкой мѣстности намѣчалъ, онъ и глубину воды въ морѣ измѣрялъ, соображалъ, гдѣ иностранные суда, когда они появятся, принимать, гдѣ укрѣпленія для защиты новаго города ставить.

Шведы со своими кораблями все еще сторожили отнятую у нихъ землю. Работы и хлопотъ съ постройкой новаго города было множество. Не хватало времени, чтобы передѣлать все, намѣченное на каждый день, и поэтому Петръ въ 3—4 часа утра уже былъ на ногахъ. Живо одѣнется и спѣшитъ на работы. Ходить медленно онъ никогда не умѣлъ, а теперь, среди спѣшки, сталъ двигаться еще стремительнѣе. Приближенные едва за нимъ поспѣвали. Чуть зазѣваются, глядь— а царь уже далеко впереди. Приходится догонять. Только догонять, а онъ уже въ другое мѣсто поспѣшаетъ. Торопится, чтобы новая столица скорѣе поспѣла. Радуется, что можетъ оставить Москву. Тяжело Петру въ ней жилось. Все тамъ напоминаетъ и стрѣлецкіе бунты, и смерть близкихъ, и непокорную сестру, царевну Софью. Да и старины въ Москвѣ много, и крѣпка эта старина. Даже Петру не осилить ея. А онъ хочетъ, чтобы всѣ жили по новому, чтобъ въ Россіи на-

чали жить, какъ въ другихъ заморскихъ краяхъ. Для новой жизни ему новый городъ нуженъ. Приближенные недовольны: мѣсто сырое, нездоровое. У всѣхъ лихорадки, рабочіе мрутъ. Живутъ всѣ кое-какъ, безъ всякихъ удобствъ. Всѣ недовольны, а царь въ восторгѣ. Городъ будетъ такимъ, какимъ онъ его

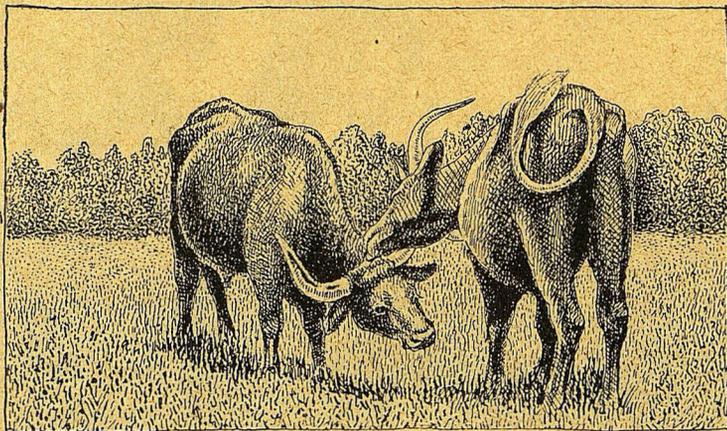
Петръ Великій. Картина В. Сѣрова.

сдѣлаеть, а болѣе удобнаго мѣста, чтобы „прорубить окно въ Европу“ нигдѣ не найдешь. Россія подошла къ морю, подошла къ опередившимъ ее европейскимъ государствамъ и можетъ брать у своихъ старшихъ братьевъ все, что у нихъ есть хорошаго. Счастливъ царь и свой новый городъ, свое любимое дѣтище не иначе называетъ, какъ „парадизомъ“—раемъ земнымъ.

Обо всемъ понемногу.

Какъ животныя чистятся.

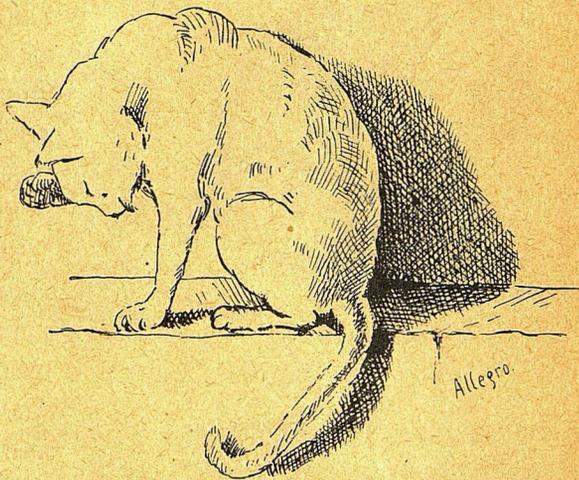
ОЧЕНЬ многіе считаютъ нѣкоторыхъ животныхъ грязными, думаютъ, что они любятъ грязь, но это совершенно не вѣрно. Если свинья и буйволъ съ наслажденіемъ вываливаются иногда въ грязи, то не потому, что любятъ быть грязными. Влажная грязь прохлаждаетъ ихъ во время жары, но,

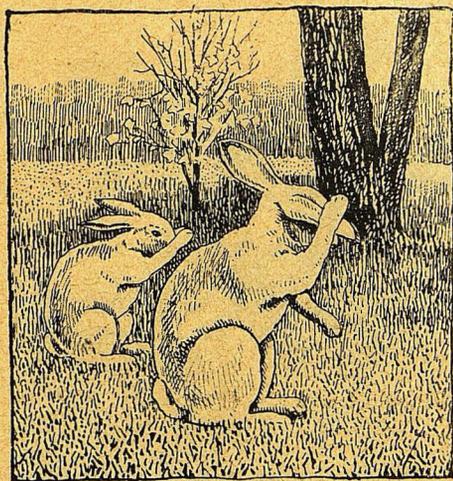
Быкъ вылизываетъ товарища.

кромѣ того, и главнымъ образомъ, она служитъ имъ вотъ какую службу: засыхая на нихъ лепешками и отваливаясь, она вытаскиваетъ лишнюю и уже ослабѣвшую щетину и волосы изъ кожи, а также и другія частицы всякаго сора, которыя раздражаютъ кожу. Еслибы, по выходѣ изъ грязевой ванны, свинью и буйвола сажали въ чистую ванну, какъ это дѣлаютъ съ людьми, то, навѣрное, оба животныя ничего про-

тивъ этого не имѣли бы. А поросята? Развѣ они грязные? Нисколько, потому что у нихъ еще нѣтъ щетины, и имъ не для чего вываливаться въ грязи. Стоитъ только внимательно ухаживать за животными, держать ихъ въ чистотѣ, и тогда легко убѣдиться, что всякое животное чистоту предпочитаетъ грязи. Лошади и собаки любятъ иногда повалиться на спинѣ. Дѣлаютъ онѣ это потому, что не имѣютъ возможности инымъ способомъ почесать себѣ спину и плечи. Но, поднявшись на ноги, и лошадь и собака

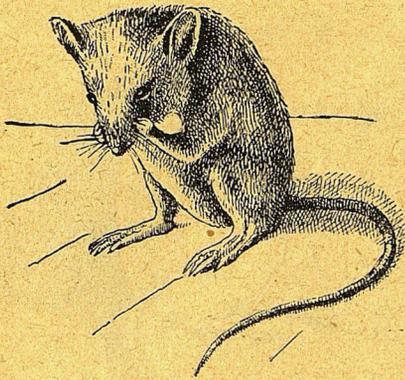
Кошка умывается.

Кролики моютъ ушко — одной, а мордочку двумя лапками.

непремѣнно старательно отряхнутся отъ пыли, попавшей на шерсть въ то время, какъ они валялись по землѣ. Лошади вообще очень трудно саму себя чистить, и она очень любитъ, когда ее купаютъ и чистятъ скребницей. Коровѣ чиститься легче: у нея очень шершавый языкъ, и она вылизываетъ имъ собственную шерсть, а также приводитъ въ приличный, чистый видъ своихъ телятъ. Иногда коровы и быки выли-

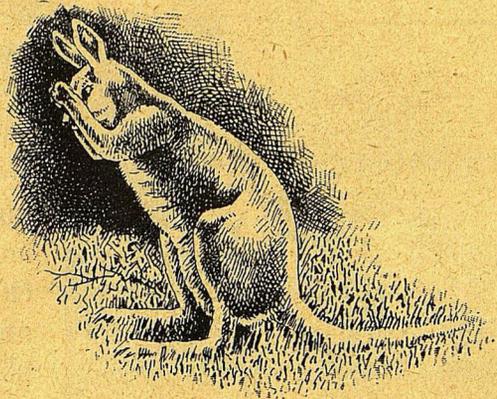
зываютъ взрослыхъ своихъ товарищей. Всѣ животныя кошачьей породы, въ томъ числѣ львы и тигры, пользуются

Мышь умывается.

своимъ жесткимъ языкомъ, какъ влажной щеткой, чтобы вылизывать и приглаживать свою шерсть. Львы и тигры, какъ и домашнія кошки, лизутъ нижнюю сторону переднихъ лапъ и трутъ ими морду и голову: „умываются“. Кошка при этомъ еще прихватываетъ иногда и ушко. Но мнѣ никогда не случилось видѣть, чтобы кошка мыла мордочку заразъ обѣими лапками. А вотъ крысы, мыши,

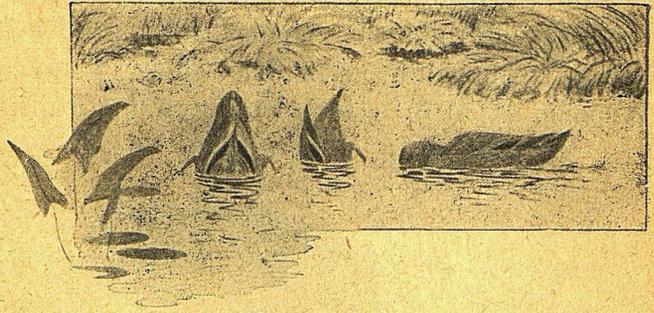
бѣлки и кролики моютъ мордочки заразъ обѣими лапками, а ушко — одной. Кролики удивительныя чистюли, не менѣе кошекъ, и поэтому природа даетъ имъ такой же шершавый язычекъ. Попробуйте погладить кошку или кролика противъ шерстки. Они сейчасъ же постараются привести свой туалетъ въ порядокъ и пригладить шерстку въ надлежащую сторону. И дикихъ звѣрей вы никогда не увидите съ растрепанною шерстью.

Кенгуру умывается.

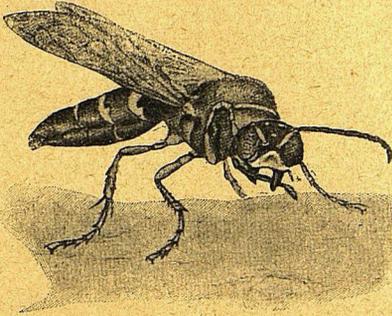
О птицахъ и говорить нечего: онѣ необыкновенно тщательно моются, чистятся и слѣдятъ за тѣмъ, чтобы весь ихъ

туалетъ былъ въ порядкѣ. Птицы съ очень длинными клювами не имѣютъ возможности чистить перья на затылкѣ. Имъ на помощь приходитъ природа и даетъ имъ для затылка короткія перья, такъ что они сами хорошо и въ порядкѣ лежать и не требуютъ ухода и особой чистки. Очень любятъ птицы купаться. Ванны берутъ самыя разнообразныя: то песочныя, то водяныя. Иногда подолгу плещутся и трепещутъ крыльями въ водѣ, а иногда, пролетая надъ водою, окунутся на мгновенье и летятъ дальше.

Утки купаются.

Одинъ садоводъ поливалъ свой садъ изъ кишки съ сѣтчатымъ наконечникомъ и замѣтилъ, что невдалекѣ сидитъ птица реполовъ и съ завистью смотритъ на разлетающіеся водяныя брызги. Садоводъ продолжалъ свое дѣло, а реполовъ сталъ подходить все ближе и ближе. Наконецъ, совсѣмъ осмѣлѣлъ и всталъ подъ струю воды, обдававшую его мелкими брызгами. Это повторялось нѣ-

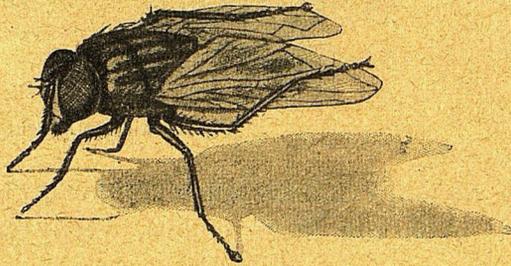

Оса чиститъ усы.

сколько дней подъ рядъ, такъ что, очевидно, птицы любятъ брать не только ванны, но и души.

Даже насѣкомыя—и тѣ чистятся и моются. Осы, мухи

и москиты передними ножками чистятъ себѣ голову, а задними—крылья. Помывъ голову и глаза, муха обыкновенно начинаетъ тщательно сучить ножки одну объ другую, точно желая скатать въ комочекъ и отбросить всю собранную пыль. Очень чистоплотны животныя, птицы и насѣкомыя, и въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, инымъ людямъ хорошо было бы брать съ нихъ примѣръ.

Муха чиститъ крылья задними ножками.

Загадки и ребусы наших читателей.

Шарада Юры Горскаго (8 лѣтъ).

Мое первое вы сдѣлаете изъ снѣга; второе—имя дѣвочки, а все вмѣстѣ—часть жилища.

Шарады и загадка Вавы Горскаго (6 лѣтъ).

Шарада № 1. Мое первое идетъ изъ трубы; второе—гласная буква; третье—есть у каждаго ломового, а все—тащить за собою людей и грузы.

Шарада № 2. Мое первое—предлогъ; второе—на экваторѣ всегда бываетъ, а все—людямъ много горя приносить.

Загадка № 1. Когда я съ головою, то часть аэроплана; когда безъ головы—то часть свиньи.

Ребусъ № 3 Ины Крогіусъ (10 лѣтъ).

Шарада №. 7.

Черезъ воду мое первое ведетъ,
А второе въ мірѣ сказочномъ живетъ.
Все—не знаетъ ни пріюта, ни работы,
Никому съ нимъ повстрѣчаться нѣтъ охоты.

Шарада № 8.

Поль крика птицы мой первый слогъ,
Мое второе призываетъ,
А все вы встрѣтите средь улицъ и дорогъ,
Онъ часть повозки составляетъ.

Загадка № 15.

Загадка у меня вамъ есть
Нетрудная, простая:
Какую букву можно ѣсть,
Когда она пустая?

Шарада № 9.

Какъ я—шарадъ нетрудныхъ мало:
Найдете въ танцѣ вы начало.
Конецъ мой учать и твердятъ,
Все—долженъ знать сторожевой солдатъ.

Шарада № 10.

То, что стоитъ въ моемъ началѣ,
Среди предлоговъ вы въ грамматикѣ встрѣчали.
Моимъ концомъ никто не обмороченъ,
А все мое—въ торговлѣ важно очень.

Рѣшеніе задачъ, помѣщенныхъ въ 4-мъ №.

Ребусъ Юры Бутковского № 2. Часто задача покажется
трудной, пока не подумаешь.

Шарада № 5. Ты-ква. *Шарада № 6.* Скрип-ка. *Загадка
№ 14.* О-пушка.

Редакт.-Издат.: П. Соловьева и Н. Манасеина.

Соловьева П. С. (Алегро) „Елена“. Стихи для дѣтей. Съ рисунками. 3-е изданіе

Цѣна въ обложкѣ 35 к., въ переплетѣ 65 к.

ОДОВРЕНО для ученицъ библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученицъ библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. низшихъ училищъ.

Соловьева П. С. (Алегро) „Семилѣтка“. Народныя сказки. Съ рисунками. Цѣна въ обложкѣ 50 к., въ переплетѣ 80 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебныя библотеки низшихъ учебныхъ заведеній.

ОДОВРЕНО для ученицъ библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученицъ библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библ. кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Свадьба Солнца и Весны“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. Ц. 20 к.

ОДОВРЕНО для ученицъ библ. младшаго возраста средн. учебн. завед. и для ученицъ библ. низшихъ учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Допущено въ ротныя библотеки кадетскихъ корпусовъ для I и II классовъ.

Соловьева П. С. „Разгадай-ка!“ Сборникъ ребусовъ, шарадъ и загадокъ. Цѣна 25 к.

Соловьева П. С. „Березкины именины“. Пьеса въ стих. Съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для ученицъ библ. низшихъ учебн. завед., пріютовъ, малолѣтн. отд. и прігот. класс. средн. уч. завед. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Алегро) „Няня“. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Цѣна 15 к.

Соловьева П. С. (Алегро) „Первое апрѣля“. Комедія въ одномъ дѣйств. Цѣна 10 к.

Соловьева П. С. (Алегро) „Чудесная ночь“. Пьеса въ стихахъ. Цѣна 20 коп.

ДОПУЩЕНО въ библ. низш. учебн. зав., пріютовъ, малолѣтн. отд. и прігот. класс. средн. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Алегро) „Жизнь Хитролица“. (Изъ старо-французскаго эпоса). Съ рисунками В. Раббе. Цѣна въ переплетѣ 2 р.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. городскихъ училищъ и признано подлежащимъ внесенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при поименн. ученицъ библ. средн. учебн. завед.

ОДОВРЕНО для ученицъ библ. низшихъ учебн. завед., пріют., малолѣтн. отдѣл. и пріготов. класс. средн. учебн. завед. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Соловьева П. С. (Алегро) „Новый годъ“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 20 к.

Соловьева П. С. (Алегро) „Царевна Земляничка“. Пьеса въ стих. Съ рис. автора. Ц. 30 к.

Франсъзъ Анатоль. „Пчелка“. Сказка. Съ рисунками. Изданіе 3-е. Цѣна 25 к.

ОДОВРЕНО для ученицъ библ. младш. возраста средн. учебн. заведеній и для ученицъ библ. низш. учебн. завед. и дѣтскихъ пріютовъ *Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи.*

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія допущено въ учебн. библ. низшихъ учебн. завед.

Шалиръ Л. Н. „Люди и звѣри“. Разказы. Съ рисунками. Цѣна 25 коп.

Шедеръ Е. І. „Пушкинскіе уголки“. Съ рисунками автора. Цѣна 20 коп.

ОДОВРЕНО для учен. библ. младш. класс. средн. уч. зав. *Вѣдомства Учрежд. Императрицы Маріи.*

Новыя изданія „Тропинки“.

Манаскина Н. И. „Церботская принцесса“. Повѣсть изъ дѣтства и юности Евтатрины II. Съ иллюстраціями Т. Гиппюсъ, портретами и снимками со стар. гравюръ. Цѣна въ переплетѣ 2 р. 50 к.

Ученымъ Комит. Минист. Народн. Просвѣщенія признано подлежащимъ исключенію въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополненіи учебн. библ. средн. учебн. заведеній.

Оду, Маргарита. „Пастушка“ Переводъ съ французскаго. Со снимками съ варт. и рисунковъ Миллэ. Цѣна 30 к.

Соловьева П. С. „Дѣдушино кольцо“. Пьеса въ стихахъ съ рисунк. автора. Цѣна 25 к.

Книгоиздательство беретъ на себя почтовые расходы только въ томъ случаѣ, если книгъ выписывается не менѣе, чѣмъ на 1 рубль.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1912 ГОДЪ.

7-й годъ
изданія.
12 книжекъ
въ годъ.

„ТРОПИНКА“

3 рубля съ
доставкой
въ годъ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ СРЕДНЯГО ВОЗРАСТА.

Выходитъ 1—5 каждаго мѣсяца въ 4—6 печатныхъ листовъ
(60 печатныхъ листовъ въ годъ).

Пробный № въ редакціи стоитъ 25 к., съ перес. 35 к., наложеннымъ
платежомъ не высылается.

Въ редакціи имѣются комплекты 1908, 1910 и 1911 гг. —
комплекты 1906, 1907 и 1909 гг. всѣ разошлись.

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦІИ:

Просимъ прочесть непременно.

Заявленія о неполученіи номера адресуются непосредственно въ
редакцію и не позже срока полученія слѣдующаго №.

Несвоевременныя требованія пропавшихъ №№ редакція удовле-
творять не можетъ.

Заявленія о перемѣнѣ адреса посылаются непосредственно въ
редакцію, при чемъ необходимо указать и старый адресъ. При
перемѣнѣ петербургскаго адреса на петербургскій уплачивается
20 к., а при перемѣнѣ петербургскаго на иногородній, иногородняго
на петербургскій или иногородняго на иногородній уплачивается **40 к.**
До полученія денегъ, контора продолжаетъ высылать журналъ по
старому адресу.

Редакція открыта для личныхъ переговоровъ по средамъ отъ 2 до 4 часовъ.

Адресъ редакціи и конторы: Спб., Вознесенскій пр., № 36, кв. 26.

Телефонъ №. 497-55.

Редакт.-Издат. *П. Соловьева* и *Н. Манасеина*.

Въ Москвѣ книги изданія „Тропинка“ продаются и подписка на жур-
наль „Тропинка“ принимается въ слѣдующихъ магазинахъ: „Наука“,
В. Никитская, 10. Въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи. „Ступени
Знанія“, Мясницкая, 5, флиг. 6. Филимонова, В. Никитская, 22.